
Современная
французская
комедия

Сиреневое платье Валентины
Франсуаза Саган

Аннотация
Франсуаза Саган. Сиреневое платье Валентины
Акт первый
Акт второй

Аннотация

Комедия в двух актах

Франсуаза Саган
Сиреневое платье Валентины

Действующие лица:
Валентина — *дальняя родственница Мари*
Серж — *сын Мари, художник*
Мари
Лоранс — *девушка Сержа*
Мэтр Флер — *нотариус*
Оракул — *мажордом*
Жан Лу — *муж Валентины, кинематографист*

Акт первый

Номер в довольно дешевой гостинице две постели. Одна дверь выходит в коридор, другая — в соседнюю комнату.

Сцена первая

Входят Серж и Валентина. Ему двадцать пять, ей тридцать семь лет. Он несет чемодан, Сделав два шага, она останавливается.

Валентина*(весело).* Но здесь прелестно!.. Какой вид!..

Серж. На крыши.

Валентина. Крыши — это очень красиво. Они бывают синие, розовые… Париж отсюда похож на Рим. А вам не нравятся крыши?

Серж. Конечно, нравятся. Как и набережные и лица. Как все, что хочется рисовать.

Валентина. Да, правда. Мари говорила мне, что вы художник. Вернее… хотели бы им быть.

Серж. Вы правильно подметили: хотел бы.

Валентина. Согласитесь, как нелепо: десять лет

я не видела своего любимого племянника, и все, о чем я могу его спросить: «Вы любите рисовать»?

Серж. Почему «любимого»? Значит, у вас есть нелюбимые?

Валентина*(удивленно).* Но…

Серж. Разве кроме меня у вас есть еще племянники?

Валентина. Нет, но это не мешает мне вас любить. *(Смеется.)*

Серж. Вам не мешает, а меня обязывает. Мне кажется, ваша кровать вот эта. Шкаф — вот. Когда моя мать вернется после своего ежедневного устрашающего визита к нотариусу, она поможет вам устроиться.

Валентина. Почему — устрашающего?

Серж. Потому что она его запугивает до смерти. Что может поделать бедняга, если мой отец скончался, не приведя в порядок ни своих чувств, ни своих капиталов? Вы ее знаете лучше меня: каждое утро, как только она открывает глаза, у нее руки чешутся выцарапать глаза нотариусу.

Валентина. Я всегда ею восхищалась.

Серж. Вы этим можете восхищаться?

Валентина*(пока он говорит, достает из чемодана три цветка, ставит в стакан для полоскания зубов. Живо реагируя на его слова).*

Разумеется. Энергия восхитительная вещь. Я говорю об этом с полным незнанием дела. Хотя на протяжении всей моей жизни для меня это был огромный камень преткновения. Еще в школе: «недостаточно энергична. Не старается. Способна на большее». Потом на танцевальных вечерах мнение матерей: «могла бы добиться большего», И в конце концов, даже муж, в самом интимном — «способна на большее, не старается». *(Смеется.)* Я вас шокирую.

Серж. Не знаю.

Валентина. На всякий случай, извините, пожалуйста. Мне не удается… как бы сказать… словом, есть в жизни вещи, над которыми смеюсь только я. Не то чтобы я улавливала какие-то подтексты, боже упаси, или ассоциации, смешные только для меня одной, но жизнь, в ее самых обычных проявлениях, часто мне кажется забавной и нелепой, в то время как другие этого совсем не находят. Не знаю, смогу ли я перемениться.

Серж. Вы не хотите чего-нибудь выпить?

Валентина. А здесь можно заказать, чтобы принесли в номер?

Серж. Нет. Но я могу сходить…

Валентина. Нет, нет. Ненавижу утруждать молодых людей. Насколько меня забавляет, когда

вокруг меня суетится какой-нибудь старичок на террасе в Булонском лесу, на столько мне кажется недопустимым поднять с места молодого человека, одного из этих тяжеловесных мыслителей, полных дум, грозных замыслов, экстравагантных желаний. Вот он сидит, погрузившись в кресло, размышляя о жизни, воображая себе ее как, например, помещение, которое надо заполнить мебелью, или… Я таких видела — сотни! У мужа, он продюсер. Кинематографисты! Ох, они!..

Серж. Неподъемные.

Валентина. да. Я, наверно, слишком много говорю. А вы где спите?

Серж. Там. *(Указывает на дверь в смежную комнату.)* Тут же, за этой дверью. Если мама будет на вас нападать, сразу что-нибудь кидайте, туфлю, например… И я тут как тут. *(В первый раз улыбается.)* Мне иногда удается нагнать на нее страху.

Валентина. На Мари?.. Вы меня удивляете! Мы вместе прожили пятнадцать лет, у тети Андре, словом, у нашей общей старенькой тети, о которой вы, конечно, слышали… да? Так я могла напугать Мари только… в ее воображении.

Серж. Как это?

Валентина. Понимаете, что касается лягушек, улиток, засунутых в чулки, привидений в ванной

она была в сто раз сильнее меня. То есть, она была хладнокровнее, что ли… ей были непонятны мои страхи, вы улавливаете мою мысль? Я же, например, если мне каким-то чудом удавалось поймать ежа, тут же представляла себе, как Мари об него укалывается, пугается, и меня бросало в дрожь. Я не могла выдержать. Словом, я ставила себя на ее место.

Серж. А теперь?

Валентина. А теперь у меня нет ежа, мой мальчик. *(Смеется.)*

Серж. Так как же это все-таки — в воображении?

Валентина. Я рассказывала ей, какой ужас я испытывала, когда ставила себя на ее место, рассказывала ей о том страхе, который переживала за нее, о том, до какой степе ни она, в моем воображении, могла испугаться моего ежа. В реальной жизни она бы его просто схватила и выбросила в окно, но в конце концов я ее так убеждала, что она начинала чувствовать себя на моем месте — то есть, на своем. Боже мой, так о чем мы говорили?

Серж. О ежах.

Валентина. Что за тема? Знаете, мой муж обожает темы. Он говорит, что я не знаю, что такое

тема. Он говорит, что я не умею поддержать разговор. Но, в конце концов, поддерживать нужно того, кто сам не держится на ногах. Но! Но… Если разговор… или кто-нибудь другой… падает к вашим ногам — и бог свидетель, к моим падали часто, не будете же вы сразу ставить его на место, не так ли? Должно быть мгновение, передышка, когда разговор замирает, теряет силы, ловит ртом воздух и сердце разрывается от жалости. *(Заразительно смеется, Серж — тоже.)*

Серж. Я вас представлял себе иной.

Валентина. Не верьте первому впечатлению, К счастью для вас или к несчастью, но я всегда! неизбежно! в конце концов становлюсь такой, какой меня хотят видеть.

Серж. Это уже кое-что.

Валентина. Что Вы этим хотите сказать?

Серж. Можно вообще никогда не стать не только таким, каким тебя хотят видеть другие, но даже самим собой.

Валентина*(смеясь).* О!.. Самим собой!

Серж. Что значит — о!.. самим собой!?

Валентина*(нежно).* Ничего. В том-то и дело, что ничего не значит. Что может значить дыхание, лицо, неясная надежда, хорошо сидящее платье, что еще?.. В чем тут я сама…

Входит Мари. Вид у нее решительный. Она снимает и бросает на диван очки, затем сумку и внезапно обнимает Валентину.

Мари…

Мари. Валентина, ты бледная. Откуда ты? Бедный Сержик, нотариус кошмар. Трус и болван словом, идиот. Хватается за голову обеими руками с фальшивыми манжетами— но ведь головы-то нет. Это не человек, одна видимость. На нем строгий костюм, говорит он — как будто умирает от усталости, он меня убивает. Я больше не могу, Валентина, сядь. А ты, Серж, незаметно удались. Нет, останься. Все равно, она тебе все расскажет. И бог знает, в каких словах. Ну, в общем, рассказывай…

Валентина*(испуганно).* Что?

Мари. Ты знаешь — что. Что и на этот раз у твоего мужа очередная любовница. И что, как всегда, он попросил тебя на некоторое время уехать из дома. И что, как всегда, ты согласилась. Лишний раз прокатишься в Монте-Карло или на Балеары, с твоей обычной милой улыбкой. Не так?

Валентина. Ты думаешь, все так просто…

Мари. Все всегда — просто. С тобой. Это общеизвестно. Тогда почему ты заявляешься ко мне сюда, в эту жалкую гостиницу, в то время как я

десять раз звала тебя в Рошфор, где по крайней мере приличный дом?

Валентина. Представь себе… Ты знаешь, как это бывает… Даниа, приятельница Жан Лу, сейчас у нас. Прекрасно.

Мари*(сардонически).* Прекрасно.

Валентина. Жан Лу дал мне чек, понимаешь, очень мило, огромный: на гостиницу в Монте-Карло. Так вот, я чек поставила…

Мари. Ты чек ему оставила?..

Валентина. Да нет… Поставила. Поставила и проиграла. В железку у Белени, в день отъезда.

Мари. Ах, теперь ты еще и играешь! Ну, браво! Но, Валентина…

Валентина. Ничего мне не говори, я в отчаянии. Так глупо пошла ва-банк, Я позвонила к тебе в Рошфор. И попала на старую мадам Дюпэн, которая мне все и рассказала. Что у тебя есть шансы выручить наследство Юбера…

Мари. Жоржа.

Валентина. Бог знает почему, но мне всегда казалось, что твоего мужа звали Юбер. Словом, что ты продала Рошфор и наняла знаменитого адвоката Флера, что ты здесь. Словом…

Мари. Только ты всегда так говоришь «словом».

Валентина. Как говорю?

Мари. Никак! Ты всегда говорила: «словом», В конце концов, ты получила же мое письмо. В ожидании наследства Жоржа, а не Юбера никакого Юбера я никогда не знала — мы живем здесь, Серж, который вернулся из колоний три месяца назад, и, как ты видишь, — я, Твоя постель — вот. Оставайся с нами сколько захочешь, До тех пор, на пример, пока за тобой не приедет Жан Лу.

Валентина. О! На этот раз все кончено. Мне ему больше нечего сказать.

Мари. Так уж и нечего?.. Ну что ж, будем стариться вместе. Вместе росли, вместе будем стареть.

Валентина. Скажи откровенно, я вам не помешаю? Как у тебя с деньгами?

Мари. Не волнуйся. Если бы Жорж не пообещал той женщине, что все оставит ей… мы бы жили в «Рице», а не в этом отеле «Акрополь»!.. «Акрополь», что за название…

Валентина. А я как раз говорила Сержу, что отсюда пре красный вид.

Мари. Вид… Если в жизни что и прекрасно, Валентина, так это то, что не снаружи, а внутри. В своем доме. То, чем ни с кем не надо делиться. Хотя, по правде сказать, стремление поделиться

тебе всегда было присуще в высшей степени.

Серж. Дорогая мама, у вас с каждым днем развиваются и такт и вкус.

Мари. Ты…

Они меряют друг друга взглядами.

Валентина*(быстро перебивая).* Нет, ты понимаешь, Мари, ты подумаешь, что я… хм… притворяюсь, но меня, правда, скорее, забавляют эти увлечения Жан Лу.

Мари. У тебя всегда были странные забавы.

Валентина*(краснея).* Я хочу сказать… Словом, скорее, должно было быть наоборот… Потому что, знаешь, я тебе скажу, поверь мне, я, правда, лучше его, физически, во вся ком случае. Понимаешь, он начинает сдавать, и пить надо бы ему меньше, словом, мы как бы меняемся местами.

Мари*(потрясена).* Неужели?

Валентина. Разумеется, в нем больше жизненной силы, больше постой, как это он называет? — уменья жить. Именно, уменья жить. Словом, он говорит, что жизнь сочный плод, в который надо вгрызаться… а вместо этого только и делает, что ходит по зубным врачам. Словом, не могу же я на него сердиться за то, что он перепутал наши роли.

Мари. Прекрасно. А у тебя никогда не возникало желания забрать себе его роль?

Валентина*(удивленно).* Изменять ему? Боже мой, нет, конечно. Ты же знаешь, я его очень люблю.

Мари*(передразнивая).* «Я его очень люблю», Серж. Почему все-таки вы не хотите поменяться ролями? Вы думаете, в любом случае пьеса будет сыграна?

Валентина. А вы так не думаете?

Серж. Нет.

Она заинтересованно смотрят друг на друга.

Мари. Ох, как многозначительно и сколько туману! Прекратите! Имей в виду, что для Сержа жизнь — сплошная трагедия. Нам не до веселья, каждый день на повестке дня критика моих взглядов. Скоро дойдет очередь и до тебя. Увидишь. И узнаешь, какая на нас лежит ответственность. О! Молодое поколение шутить не любит. Кто подписывал Мюнхенские соглашения? Я! Кто не помешал истреблению миллионов людей на войне? Я! Кто развязал войну в Алжире? Я!

Серж. Не берите все на себя — ночью глаз не сомкнете.

Мари. Я сплю хорошо.

Серж хочет что-то сказать, но затем, пожав плечами, уходит из комнаты.

Валентина. Ты его обидела.

Мари. Надулся — пройдет.

Валентина. Какая у тебя была необходимость посвящать его в мою личную жизнь? Все-таки это мой племянник, и мне бы не хотелось…

Мари. Боишься, что «твой племянник» не будет испытывать к тебе должного уважения?

Валентина. Во всяком случае, мне бы не хотелось, что бы он испытывал ко мне чувство жалости…

Мари. Это еще почему?

Валентина*(удивленно).* Потому что он мальчик.

Пауза.

Мари. Ты не изменилась.

Валентина*(развешивает свои платья, оборачивается).* В каком отношении?

Мари. «Мальчик»! Еще в двенадцать лет… Что ты до сих пор продолжаешь в них находить?

Валентина. Ну как же… привлекательность.

Мари. Как я раньше не догадалась. Есть люди, всю жизнь которых можно выразить в нескольких расплывчатых словах. Для тебя что ценно:

привлекательность, тюльпаны, балконы, развлечения, лень.

Валентина*(живо),* Ну нет, извини, пожалуйста. Я ни когда не была ленивой. Что хочешь, только не это. *(Начинает раскладывать вещи быстрее.)*

Мари*(сидя).* Шляпки… Кстати, не укладывай их на мои чулки, мне завтра придется их перекладывать. Нет, и туфли я тоже завтра надену.

Валентина. Прости меня, я никогда не умела наводить порядок.

Мари. Да, «лень»— неточное слово. Чувствую я, что пока не вытряхну из нотариуса своих денег, придется терпеть, стиснув зубы. *(Помогает Валентине.)*

Валентина. Ты права, так удобнее.

Мари. Да? *(Смеется.)*

Валентина. А чем Серж занимается?

Мари. Рисует для рекламы. Разумеется, он хотел бы быть Ван Гогом, ты заметила, какой у него зловещий вид?

Валентина*(перестав раскладывать, садится на кровать и смотрит, как Мари распаковывает ее вещи).* Я его понимаю. Я тоже хотела бы быть Ван Гогом. Или Вагнером.

Мари. Почему?

Валентина. Не знаю. Наверно, потому, что они

создавали красоту и притом своими собственными десятью пальцами. *(Рассматривает свои изящные руки.)*

Мари*(останавливается перед ней с руками, полными вещей).* Мне иногда кажется, что ты надо мной смеешься. *(Посмотрев на недоумевающую Валентину, отходит к шкафу.)*

Валентина*(задумчиво).* Ты говорила о тюльпанах… Знаешь, сейчас выводят удивительные сорта. У моего торговца цветами, то есть, бывшего торговца, часто бывают светло-голубые, восхитительные, В день отъезда я как раз хотела их купить. Но у меня было слишком много вещей. Такая жалость! Тебе бы они очень понравились, Мари *(стараясь держать себя в руках).* Скажи мне, Валентина. Помимо того, что твой муж тебя выставил, что ты проиграла миллион в железку и что твой цветочник выращивает голубые тюльпаны, неужели за два года в твоей жизни больше ничего не произошло?

Валентина. Я знаю, я не умею рассказывать. Но, по существу, ведь и ты тоже не умеешь.

Мари. А! Я не умею?

Валентина. Боже мой, ну конечно, нет. Я не знаю, на пример, тяжело ли ты перенесла смерть Юбера — прости, Жоржа, я не знаю, волнует ли

тебя, как складывается жизнь у твоего сына, я не знаю, можно ли опротестовать завещание твоего мужа, что из себя представляет в деловом смысле твой нотариус, как ты себя сейчас чувствуешь, ведь ты уже восемь лет страдаешь печенью, удалось ли тебе выгодно продать Рошфор, можешь ли ты..

Мари*(кричит).* Перестань! Что на тебя нашло?

Валентина. Мне надоело, что все требуют, чтобы я разговаривала серьезно. *(Отворачивается.)*

Мари. Валентина! Валентина, у тебя слезы на глазах.

Валентина. Да нет, да нет.

Мари. Валентина… Валентиночка, родная, не плачь. Тебе будет очень хорошо с нами, уверяю тебя. Я так рада, что ты к нам приехала, Валентина… Валентина, я тебя чем-нибудь огорчила?

Входит Серж с рисунком в руках.

Серж. Что происходит? Ты больше не кричишь?

Мари. Нет.

Серж. Ну и ну… *(Останавливается рядом с Валентиной, стоя щей к нему спиной.)* Разумеется, это ты ее обидела?

Мари. Разумеется. И Мюнхенские соглашения

— тоже я.

Серж*(Валентине).* Мадам…

Мари. Она тебе тетя. Или почти.

Серж. Не называть же мне ее «тетей», В ее возрасте.

Мари. Зови ее как хочешь, хоть «мадам Валентина», но утешь ее. Я не могу, чтобы она плакала. Пойду куплю чего-нибудь на обед. *(Уходит.)*

Серж становится на колени перед Валентиной, затем, не зная что делать, в нерешительности встает.

Серж. Может быть, я чем-нибудь могу вам помочь? Я понимаю. Ничего удивительного: утешить вообще никогда никого нельзя. Обрадовать, развеселить, понять — и то невероятно трудно. Но когда рядом плачет почти незнакомый человек…

Валентина. Я очень сожалею, это — нервы.

Серж. Ну и что, что нервы? Что может быть важнее нервов? А мы на них столько наваливаем. *(Улыбаясь.)* Ритм со временной жизни, недопустимый уровень шума, погоня за часовыми стрелками, перегрузки, загрязненность парижского воздуха, автомобильные гудки.

Валентина начинает смеяться, и он тоже.

Валентина. Обожаю избитые фразы. А еще какие вы знаете?

Серж*(радостно).* Вот, пожалуйста: нависшая угроза, потеря понятия о человечности, гигантские скачки науки, сделка с совестью, стирание граней, потеря корней…

Валентина. Эта мне больше всего нравится. Не дадите мне носовой платок? Они где-то там, ваша мама положила их на место.

Серж. Ну, тогда не найти… Возьмите мой, хотя он грязный.

Валентина. Правда. *(Сморкается.)* Как это у людей могут быть всегда чистые носовые платки?

Серж. Они не плачут.

Валентина. Значит, вы тоже плачете?

Серж. Нет, нет. У меня просто насморк. Посмотрите, кстати, какой я забавный сделал рисунок для ингалятора. Правда, мило? И кроме того, это заказ.

Валентина. Очень мило. Прекрасная мысль, сейчас весь Париж простужен. *(Поворачивает рисунок, рассматривая его с разных сторон.)*

Серж. Почему вы плакали?

Валентина. О! Я… даже не знаю. Мне кажется, мне вдруг показалось, что ваша мама права.

Серж. В чем?

Валентина. В отношении моей жизни, истории с моим мужем, во всем этом. Я, конечно, не должна мириться, мне надо что-то делать. Мне все говорят.

Серж. А вы от этого страдаете? Я имею в виду оттого, что он… так себя ведет.

Валентина. Откровенно говоря, я не знаю. Бесспорно, я его очень люблю, но я не понимаю, как это можно… Вы знаете, мы женаты очень давно, у него очень трезвый взгляд на вещи, в то время как я, словом…

Серж*(смеется).* Словом… Я считаю, что когда люди больше не любят друг друга и ничего не могут друг другу дать, надо расставаться.

Валентина. Но, говорю вам, я его люблю. А потом, что можно давать друг другу?

Серж. Доверие, теплоту, искренность.

Валентина. Но я ему очень доверяю, он очень приятный человек, и мы друг другу не лжем.

Серж. Я говорю о вещах более серьезных.

Валентина. Я это чувствую. Мне всегда трудно найти с людьми общий язык. А вам?

Серж. За редким исключением. Землю в основном населяют изворотливые болтуны, которые пользуются словами, как разменными монетами, о которых они заранее знают, что они фальши-

вые.

Валентина. Мне совершенно необходимо привести себя в порядок… Боже мой, как я выгляжу! *(Тщательно пудрится перед зеркалом, задумчиво.)* Вы понимаете, я лично всегда склонна находить всех людей очаровательными.

Серж. Это зависит от того, чего вы от них ожидаете. Если вы цените ум, смелость или искренность, то таких немного.

Валентина. Но очень много мягких, знаете, и нежных в глубине души, но с ними плохо обращаются.

Серж. Тогда они начинают всего бояться и становятся такими же орангутанами, как и все остальные.

Валентина. Орангутанами или орангутангами?

Входит Мари, у нее в руках корзинка.

Мари. Тебе, кажется, лучше. Вы говорите об обезьянах?

Валентина. Да. В орангутанге есть на конце «г» или нет?

Мари. Понятия не имею. Единственное, что я знаю, это что один из них мой нотариус. Внизу мне передали записку. Я должна быть завтра у

него чуть не на рассвете! За стол! Принеси стол, Серж.

Серж уходит.

Мы едим на его святом рабочем месте, Я купила печеночный паштет и курицу… Как ты, не против?

Валентина. Обожаю. И ужасно хочу есть.

Мари. Для разнообразия поешь не так, как дома. Киношники и богема едят только несъедобные вещи семгу, икру, бифштексы. Только кое-где в старых ресторанах да в простом народе еще понимают толк в настоящей еде. Наваристый суп, куриное жаркое. Вот поймешь, когда мы переедем на улицу Бак.

Серж*(возвращаясь).* На улицу Бак?

Мари. Да, я вам еще не успела сказать. Я сняла квартиру на улице Бак. Роскошную. Восемь комнат, дайте только выиграть этот проклятый процесс…

Они садятся за стол.

Серж. А если не выиграешь?

Мари. Ты что, шутишь? Ты что же думаешь, нам всю жизнь жить в отеле «Акрополь»? Нет и нет, мой мальчик. Положись на свою мать: я

проиграла войну в сороковом году, я проиграла кампанию в Северной Африке, но проиграть процесс против любовницы твоего отца я просто не имею права. Восемь комнат, сплошной полумрак. Никакого вида, боже сохрани. Широкие окна, кислород, поездки за город — оставим это парижанам. Мы будем жить в Париже, как в Рошфоре, — по-бальзаковски. В сумерках и в тишине. В крайнем случае беседовать. Надеюсь, ты не любишь телевизор, Валентина?

Валентина*(рассеянно).* Телевизор?

Мари. Она даже не знает, что это такое. Превосходно.

Валентина. Чудесно. Мы будем носить шелковые платья мышиного цвета, никогда не будем знать, какой сегодня день, а когда мы умрем, через два месяца нас найдут соседи. Боюсь только, что такой образ жизни не слишком подходит для молодого человека.

Серж. В настоящий момент у нас осталось три франка и один шанс из десяти получить наследство. Мне пока рано впадать в панику.

Мари. Серж заведет себе спортивную машину, если захочет, и будет болтаться по ночным кабаре, если захочет. Будет жить в духе времени, если этот дух ему приятен. *(Усмехается.)* Впрочем,

мой мальчик, скорее, склонен к созерцательному образу жизни.

Валентина. А если он женится?

Мари. Поселится в новостройке, будет читать отвратительные вульгарные газеты, сменит спортивную машину на семейный «Пежо». По воскресеньям будет приезжать к нам с детьми есть фазана с шампиньонами. Для разнообразия.

Серж. Но я стану королем рекламы. Весь Париж будет оклеен моими афишами, и у моей жены будет светлая норка.

Валентина. Темная. Сейчас больше носят темные.

Серж. Она этого не будет знать, Я ей скажу, что вы — со странностями. Я ей скажу: «Знаешь, Валентина была такая красивая».

Она ему улыбается.

Мари. Вы витаете в облаках. А я говорю, как будет на самом деле.

Занавес

Сцена вторая

Та же декорация. Валентина сидит за столом спиной к зрительному залу и что-

то делает. Входит Серж.

Серж. Что вы делаете?

Валентина*(вздрогнув).* Ничего, ничего, так — забавляюсь.

Серж. А что вас забавляет? *(Идет к столу.)*

Она встает.

Валентина. Это не очень интеллектуально, это переводные картинки. Я всегда их обожала, но дома никогда не переснимала. Стеснялась горничной.

Серж. Они все сдвинуты.

Валентина. Потому что вы вошли и меня испугали. Малейшее неверное движение — и все испорчено.

Серж. Простите меня.

Валентина*(сухо).* Пустое, но в следующий раз, будьте добры, не входите без стука. *(Поворачивается к нему спиной и садится.)*

Серж*(поражен ее реакцией).* У вас странные увлечения.

Валентина. Возможны два варианта, мой мальчик. Или я восклицаю: «Как это глупо, не правда ли, в моем возрасте?» и жеманничаю и так далее, или я упрекаю вас в том, что из-за вас все

испортила — что как раз соответствует тому, что в действительности я чувствую.

Серж. Согласен. Но разрешите все-таки задать вам один вопрос?

Валентина. Какой?

Серж. Когда в последний раз вы переснимали переводные картинки?

Валентина. В последний? Разумеется, в Монте-Карло, полгода назад.

Серж. И за такой короткий срок вы совсем разучились? *(Склоняется над ее плечом.)*

Валентина. Не ехидничайте. Это вам не к лицу.

Серж. А что мне к лицу?

Валентина. Быть молодым человеком, который страдает от того, что не может писать картины, что не может разрешить одним махом все мировые проблемы и так далее и тому подобное. На худой конец, даже быть влюбленным в меня.

Серж. За две недели я не нашел на это времени. Пожалуйста, не сердитесь.

Валентина. Напрасно просите. *(Смеется.)*

Серж. Если уж быть откровенным до конца, пока мама бегала от нотариуса к нотариусу, я приобрел приятную привычку· принимать здесь, в ее отсутствие, одну молодую особу. К ней ходить

я не могу, а приглашать куда-нибудь, при моих финансах…

Валентина. Боже мой… я вам мешаю?

Серж. Нет, нет! Просто я хотел вас предупредить, так как она с минуты на минуту должна прийти.

Валентина. Но вы же закроете дверь?

Серж. Разумеется. Но я боялся, как бы вам вдруг не захотелось взглянуть на мои эскизы — или попросить носовой платок.

Валентина. Вы будете с ней…

Серж. Это не исключено.

Валентина. Что ж… *(Пауза.)* Вы хоть сложили свои бумаги и рисунки? Вы не можете себе представить, как на некоторых женщин неприятно действует беспорядок у любовника.

Серж. Она сама наводит порядок.

Валентина. Ну, тогда она из другой половины.

Серж. Половины чего?

Валентина. Женщин. Вот. *(Показывает бумагу.)* Этот прекрасно вышел. Только барашек горбатенький.

Серж. Да. И пастух без ноги. Но вообще невероятный прогресс.

Валентина. А как вы думаете, она не согласилась бы на вести порядок еще и здесь? Я тут со

своими вещами…

Серж*(сухо обрывая).* Не думаю.

Валентина. Она прибирает только ради любви?

Серж. Нет. Ради чистоты.

Валентина. Хорошо, хорошо. Я сама приберу.

Он ходит по комнате из угла в угол.

Послушайте, Сержик, что вы мечетесь? Займитесь пока вашими эскизами. Или мне вас подержать за руку? Что вы нервничаете? *(Смеется.)*

Серж. Мужчина всегда нервничает, когда ждет любимую женщину, разве нет?

Валентина. А вы ее любите?

Серж. Думаю, что люблю.

Валентина*(нежно).* Значит, вы счастливый человек, Очень счастливый. Что может быть необыкновенней, чем ждать любимого человека, Я уже полгода этого не испытывала.

Серж. Полгода, с Монте-Карло?

Валентина. Вы путаете с переводными картинками.

Серж. Правда. Простите меня.

Они смотрят друг на друга. Стук в дверь. Входит Лоранс, хорошенькая студенточка двадцати

лет.

Лоранс … Разрешите представить вам Лоранс Дессо. Моя тетя Валентина.

Валентина. Здравствуйте. Садитесь, пожалуйста.

Лоранс. Я…

Валентина. Не надолго. На минутку. Серж мне столько говорил о вас. Я сгорала от желания познакомиться с вами. Впрочем, я должна срочно уйти, я оставляю на вас дом, я наведу порядок, когда вернусь. Серж, будьте добры, если Мари вернется раньше меня, скажите ей, что я скоро вернусь, я пошла за тюльпанами. Где мое пальто? Спасибо. до свиданья, мадемуазель. *(Очень быстро выходит.)*

Удивленный Серж закрывает за ней дверь.

Лоранс. Твоя тетя Валентина очень милая.

Серж. Да, но действует на нервы. Вроде бы витает в облаках, но иногда выпускает коготки и может глаза выцарапать. Она очень красивая, правда?

Лоранс*(рассеянно).* да, да. В романтическом духе. Ты сегодня писал?

Серж. Нет, я работал.

Лоранс. Ты же мне обещал… Убиваешь время

на свои жуткие эскизы, растрачиваешь себя впустую, живешь в разладе с самим собой.

Серж не отвечает.

Я знаю, тебе нужно зарабатывать на жизнь, но ты должен заниматься не только этим. Будни существуют, я согласна, но есть еще свое внутреннее «я». Ты способен на большее. Серж, ты меня слушаешь?

Серж*(стоя спиной).* Я тебя слушаю.

Лоранс. Ты никогда не узнаешь, что такое подлинное счастье, если не уйдешь с головой в работу, и ты это пре красно понимаешь. Сколько времени ты, кроме зубной пасты, ничего не рисуешь?

Серж*(угрюмо).* Кажется, месяца два.

Лоранс. Серж, ты несчастен, и я не могу это выносить.

Серж. Я не несчастен.

Лоранс. Несчастен. Я тебя знаю, может быть, лучше, чем ты сам.

Серж. Какая фраза!

Лоранс. Это не фраза, я не могу не думать о тебе. О том, что ты делаешь. О том, к чему ты стремишься. Когда мы будем жить вместе, я не потерплю в тебе этой пустоты, этого щемящего

чувства, похожего на стыд.

Серж. Мне нечего стыдиться. У меня нет таланта, вот и все.

Лоранс. Рид говорит, что есть. Малиро говорит, что есть. Они-то в этом разбираются?

Серж. Они ни в чем не разбираются. Ты ни в чем не разбираешься; и я тоже не разбираюсь ни в чем. Мне в конце концов осточертела ваша уверенность во всем, ваши убеждения, ваши мыслишки о живописи, литературе и всем прочем. Ваши сборища у Рида, например, где все говорят одновременно. Мне кажется, будто я засовываю голову в улей. Я там теряюсь.

Лоранс. два месяца назад ты так не думал. Тогда для тебя Рид был все.

Серж*(выходя из себя).* Пойми меня, Лоранс, умоляю тебя. Пойми меня, я ничего не знаю. Ничего. Кроме того, что ты любишь меня, и я люблю тебя, и ты желаешь мне добра. Это первое. А когда ты сдашь свои экзамены, когда я буду достаточно зарабатывать, когда моя мать переедет с Валентиной на улицу Бак, мы поженимся. Это второе.

Лоранс, На улицу Бак?

Серж. да. Если с процессом выгорит. *(Мечтательно.)* Они будут носить шелковые платья мышиного цвета, бродить в полумраке из ком-

наты в комнату, а Валентина, накинув шаль на плечи, будет расставлять по вазам цветы. А мы, мы будем жить.

Лоранс. Что ты несешь?

Серж. Ничего. Иди ко мне. Ты нужна мне. *(Хочет увлечь ее в соседнюю комнату).*

Лоранс. Я тебе только для этого и нужна.

Серж. Неправда. А если бы и правда? Это уже очень много.

Лоранс. Не для меня, О, Серж, ты мечтаешь, ты живешь как во сне, ты ускользаешь из рук. Что тебя в жизни интересует?

Серж. Я — молодой эгоист. А ты не знала?

Лоранс. Неправда. Ты во что-то веришь. Я видела, как ты час стоял перед Боттичелли, видела, как ты ударил одного типа, обозвавшего негра черномазым, и знаю, как ты бываешь нежен со мной.

Серж. Ты видела, как я мечтаю, дерусь и ласкаю… И на этом основании ты мне доверяешь?

Лоранс. Я ухожу. Я приду в другой раз. *(Уходит.)*

Серж делает два-три шага по комнате. На цыпочках входит Валентина.

Серж. Купили тюльпаны?

Валентина*(вздрагивает).* Ах! Как вы меня испугали. Я думала, вы у себя.

Серж. Нет.

Валентина. Со мной произошла странная история, которая, правда, случается со мной довольно часто. Как только я вышла на улицу, у меня закружилась голова, да… Серая улица и силуэты пешеходов, спешащих в разные стороны, машины, пронзительное ощущение того, будто все это однажды уже было… Мне надо пройти двадцать шагов и подождать такси, я беззащитна, одна, и при мысли, что эта улица меня втянет в себя, в свой климат, в свою геометрию, что я безоружна под ее цепким взглядом… Я не смогла. Я сумасшедшая.

Серж. Нет. Мне сейчас тоже невыносима мысль, что нужно куда-то выходить.

Валентина. Это — погода, может быть?

Серж. Нет. Это наваждение отеля «Акрополь». Из него не вырваться. Только сильные духом — мама, Лоранс — еще могут свободно передвигаться. Надеюсь, что у вас большой запас переводных картинок… Я шучу, Валентина.

Валентина. Ваша приятельница уже ушла?

Серж. да. Я глупо себя вел с ней, был груб, непонятно за чем.

Валентина. Словом, вы остались без приятельницы, а я — без тюльпанов.

Серж. Если еще и моя мать вернется без наследства… *(Смеется.)*

Валентина. Что вы тогда будете делать?

Серж. Продолжать работать, дорогая тетя, но засучив рукава. Я обеспечу вам существование скромное, но безбедное.

Валентина. А если все удастся?

Серж. Если получим наследство? Тогда два варианта. Или я займусь живописью в большой светлой комнате, правда освещенной неоном, на улице Бак. Или куплю спортивную машину и займусь рекламой. Что вы на это скажете?

Валентина. Боже мой, по-моему, все просто. Если у вас есть талант — пишите. Если нет — мечтайте о живописи. Мечтаю же я о том, что я пианистка.

Серж. Пианистка?

Валентина. Да, да. У меня было прелестное туше.

Серж. И ваш брак сгубил вашу карьеру?

Валентина. Да. Почему вы всегда иронизируете надо мной?

Серж. Потому что ваша простота, вернее, ваша манера все упрощать меня возмущает.

Валентина. Потому что вы не знаете, что такое фривольность. Настоящая.

Серж подходит к Валентине и внезапно целует ее.

Серж. Это — фривольность?

Валентина. Нет. Вы не должны были этого делать. Вы мой племянник.

Серж. Вы только дальняя родственница моей матери. И мы живем уже две недели под одной крышей. *(Пауза.)* Вы на меня сердитесь?

Валентина. Нет. Какие у вас жаркие губы, какое прекрасное лицо!.. *(Берет его за подбородок.)* Какая красивая линия подбородка! Нет, больше этого не делайте. Никогда. *(Отходит от него.)*

Серж. Переводные картинки лучше? Поэтичней? С ними вы больше в образе?

Валентина. Я ненавижу, когда меня заставляют что-нибудь делать насильно. Я вас боюсь.

Серж. Меня?

Валентина. да. Я чувствую, что у вас полно задних мыслей и теорий, вы все осложняете. Мне кажется, что у вас в голове весь день свистит кипящий чайник. Это утомительно.

Серж. А ваш муж тоже свистит?

Валентина*(смеясь).* Слава богу, нет. Только когда спит.

Оба весело смеются.

Серж. Удивительно. Когда я вас сейчас поцеловал, у меня было впечатление… какое бывает, когда на кого-нибудь нечаянно натолкнешься… и на мгновение я ощутил себя неловким, и неумелым, и невероятно юным, таким, каким я себя уже забыл, и вдруг мне показалось, что это и при знак, и необходимое условие счастья… ощущение, что идешь на невероятный риск.

Валентина*(мягко).* Вы слишком много говорите.

Входит Мари. Становится в театральную позу. Измеряет их взглядами и садится.

Мари … что случилось?

Мари. Случилось то, что этот безумный нотариус сделал мне предложение. В моем возрасте… то есть, я хочу сказать, в его! Что происходит? Я нанимаю человека, получившего специальное образование, чтобы он выиграл мне процесс в пятьдесят миллионов. И он не находит лучшего сюжета для разговоров со мной, чем свое одиночество. Теплота моего присутствия. Моя энергия. Короче, мои прекрасные глаза. Ну что тебе об этом сказать: меня с души воротит.

Валентина. Но это прелестно…

Мари. Ну нет! Вовсе не прелестно и не мило. Все это пустая болтовня. Я умоляю тебя, прекрати. А ты, Серж, принимаешь как должное, что твоя мать поставлена в такое положение?

Серж. Боже мой, мама, если он таким образом хочет иску пить…

Мари*(в ярости).* Что искупить? Ты что же думаешь, я ходила на деловые свидания к нему в спальню?

Серж*(серьезно).* Я никогда бы не смог предположить…

Мари. Нет, лучше замолчи. А суд — завтра. Знаешь, что он мне сказал: «В худшем случае вы проиграете процесс, но выиграете семейный очаг». Представляешь себе?! Я при ехала из Рошфора, чтобы выйти замуж за нотариуса? Да еще нотариуса без денег…

Серж. Что хуже всего…

Мари. Мой муж убегает из дому с балеринкой, как в плохих романах пишет смехотворное завещание, из-за которого я вынуждена ехать сюда, таскаться по конторам и юристам. И вы хотите, чтобы я снова вышла замуж?!.. Ну нет!

Валентина. А каков он из себя?

Мари. Это еще при чем?

Валентина. Да не волнуйся так, никто тебя на

заставляет сказать ему «да».

Мари. Только этого не хватало! Нет, пойми, часами говоришь с человеком о важном деле, и вдруг он делает тебе предложение: человек, которому ты полностью доверяешь! Это выше моих сил. Дайте мне что-нибудь выпить. Джин в третьей коробке для шляп Валентины. Достань, Серж.

Серж достает.

Валентина. Мари… Неужели ты будешь пить джин?

Мари. А почему бы и нет?

Валентина. Не знаю. Тогда положи ломтик лимона, не много сахару.

Мари. И еще добавить настоя из ромашки. Спасибо, Серж. Мне уже лучше. *(Пьет.)*

Серж и Валентина смотрят на нее.

Несмотря на этот инцидент, я заказала ковры для гости ной. И шторы. Надеюсь, они вам понравятся. А вы что делали?

Серж. Немного работал, а Валентина пересни-мала переводные картинки.

Мари. Переводные картинки… Прекрасно! *(Пьет.)*

Серж. Приходила Лоранс.

Мари. Да, правда, ты же тоже хочешь жениться. Странные люди мужчины. От Жан Лу ничего не слышно?

Валентина. Нет. Ты знаешь, он, наверно, ищет меня в Монте-Карло. Боюсь, как бы он не стал волноваться. Я хотела съездить за тюльпанами, помнишь, я тебе говорила, и…

Мари. Какими еще тюльпанами?..

Валентина. Голубыми.

Мари. Ах голубыми. Прекрасно! *(Пьет.)* Ну и что? Они увяли?

Валентина. Нет. Я уже объясняла Сержу, что как только вышла на улицу, меня охватило смятение, вроде анти клаустрофобии.

Мари. Ну и что?

Валентина. Я никуда не поехала.

Пауза. Мари бессмысленным взглядом обводит комнату и закрывает глаза.

Мари. Вы меня сведете с ума.

Валентина. Вот любопытно, как самые обычные дела, взять даже один день, кажутся со стороны нелепыми. Я читала, что на этом строится какая-то новая школа в литературе.

Серж. Не совсем. Если быть точным, цель ее в

описании чисто физических сторон предметов и абсурдности…

Мари. Будьте так добры. Ступайте со своими разговорами в комнату.

Серж а. Мне лучше пить в одиночестве.

Серж. Мне не нравится, что ты пьешь.

Мари. И зря. Это прелестно, как сказала бы Валентина.

Валентина. Однажды мы отмечали день рождения одного русского, друга Жан Лу. Он заставил меня произносить тосты. Боже, какая была ночь!

Мари. И что же вы делали?

Валентина. Да ничего. Утром он проводил меня домой.

Мари. А Жан Лу?

Валентина. Ты знаешь, он встает рано, уже в ресторане он наполовину спал. Так что к утру… *(Смеется.)*

Мари. Пью за твоего русского. Пью за твою невесту, Серж, за твоего мужа, Валентина, и за моего нотариуса. Пью за всех тех, кто любезно соглашается плыть вместе с нами по житейскому морю. Выражаю им мое восхищение. И сочувствие. Который час? Около пяти. Мне нужно звонить адвокату. Серж, помоги мне встать.

Серж. Может быть, ты хочешь, чтобы я?..

Мари. Проводил меня? Благодарю покорно. Что я, первый раз в жизни пью джин, мой мальчик? *(С достоинством вы ходит.)*

Валентина. Давно она так пьет?

Серж. Лет десять. Но очень редко.

Валентина. Какое безумие… чистый джин! Это очень вредно для печени.

Серж. Не вреднее водки, замечу вам.

Валентина. Да, но водка… *(Жестом выражает, какое это райское блаженство.)*

Серж. В самом деле?

Валентина начинает смеяться и кладет ему руки на плечи.

Валентина. Какой вы несчастный. Ваша мама любит джин, тетя водку, а невеста, наверно, виски. И на все это вы должны зарабатывать своими эскизами… Бедняга, бедняга… Он и не пьет, он и не пишет картин…

Серж*(хватает ее за руку).* Замолчите.

Валентина. Почему? Потому что я вас обижаю? Но вы нагоняете на меня скуку, дорогой племянник. Никакого полета фантазии. Вы не можете дотянуться ни до живописи, ни до матери, ни до меня… Стараетесь, как из детских кубиков, сложить свой душевный мирок. Справа сверху

— разбитые мечты об успехе. Слева — честный труд. В цент ре — девушка, которую, ему кажется, он любит, — это ваши слова. Внизу — мы целуем свою тетю — это мимолетные искушения. И там и сям — «все другие виноваты». Ах! Разве не скука?

Серж. А у вас самой — какие кубики? В центре — муж, выставляющий вас из дому по малейшему поводу. Вверху — нет детей. Слева и справа — дешевые причуды, джентльменский набор девочки, переросшей свой возраст, но не повзрослевшей. Прекрасный домик!

Валентина. Есть одна разница. Уже очень давно я его развалила. *(Показывает, как она ударила по «домику» ногой.)*

Серж. Воля ваша. А я за себя отвечаю.

Валентина. Перед кем? Кто вам задает вопросы? Кроме этой девочки, которой, как и мне, нравится линия вашего подбородка, кому вы интересны?

Серж. Человек всегда одинок. Ну и что? А вы?

Валентина. А я люблю быть одинокой. Отпустите мою руку, мне больно.

Серж отпускает ее руку и отворачивается.

Серж. Зачем вы так со мной говорили?

Валентина. Сама не знаю. Может быть, виноват розовый отблеск на той крыше, проникший мне

в душу, а может быть, ваш священный гнев по поводу Мари с ее джином.

Серж. Я был неправ?

Валентина. Со всех точек зрения. Я люблю, когда люди наливаются, выбрасываются из окон, грызут ногти, срывают зло на детях, выглядят тупо и смешно. Я люблю, когда люди забывают о том, что всегда найдется кто-то, кто их одернет или осудит.

Серж. А вы сами — любите из себя что-то строить.

Валентина. Еще как. И если вы не будете изображать из себя великого художника, вы никогда им не станете. *(Театрально выходит, закрывал за собой дверь.)*

Серж подходит к окну и опирается о подоконник.

Валентина*(тут же входит обратно).* Театральный эффект не состоялся. Я оказалась в коридоре гостиницы.

Серж. Вы в это правда верите? В то, что нужно из себя что-то строить? Вы думаете, что человек становится тем, кем он притворяется?

Валентина. Во всяком случае, человек ощущает себя тем, кого он изображает. Это уже кое-что.

Разве у меня не веселый вид?

Серж. Да. Разве я не великий художник? Валентина. Да.

Они улыбаются друг другу.

Занавес

Сцена третья

Та же декорация. Входят Мари и нотариус мэтр Флер.

Мари. Входите, сюда. Ау, кто-нибудь есть? Странно, они постоянно здесь болтают с утра до вечера.

Мэтр Флер. С одной стороны, я глубоко огорчен, а с другой безмерно рад. Дорогая мадам, подумали вы над моим предложением? Долго ли мне еще терзаться?

Мари. Каким предложением? Ах да! О вашем браке?

Мэтр Флер. Нашем браке.

Мари. Нет, нет, нет. Боже мой, как я устала. Мэтр, будьте так любезны, пойдите за шампанским. Сразу внизу на против. Это нужно отпраздновать. Идите, идите… *(Выталкивает его.)*

Из правой двери появляется Валентина.

Ты здесь? Что ты делала у Сержа?

Валентина. Ничего. Смотрела его эскизы. Ну и что?

Мари. А то, Валентиночка, что мы выиграли. Целуй меня. Завтра мы переезжаем. Конец «Акрополю»!

Валентина. Боже мой, как я рада… Серж, Серж.

В дверях появляется Серж.

Мари. Ты тоже там был?

Серж. А где же мне еще быть?

Мари. Процесс выигран. Целуй меня.

Он целует.

Уф! В жизни не скажу ни слова больше ни с одной судейской крысой. Кстати, это мне напомнило, что я послала его за шампанским. После вчерашнего джина у меня внутри все горит.

Валентина. Кто — он? Какое шампанское?

Мари. Прошу тебя, вслушивайся в то, что я говорю. Мэтр Флер пошел за шампанским в магазин напротив, чтобы отпраздновать нашу победу.

Валентина. Как это мило.

Мари. да, это мило. У вас у обоих вид ошеломленный, но не скажу, чтобы особенно радостный.

Что мне, объявлять через мегафон: процесс выигран.

Серж. Отличная новость. Спасибо тебе. *(Снова целует ее.)*

Мари. Завтра мы переезжаем на улицу Бак, Я не могу больше видеть этих обоев. Ни этого эмалированного умывальника, ни этих кроватей. Еще немного, и нервы мои не выдержали бы. Наконец я смогу сидеть в своей гостиной и целый день листать журналы. Что ты улыбаешься? Ты думаешь, у меня осталась хоть капля энергии?

Стук в дверь. Входит Мэтр Флер с бутылкой в руке.

А, вот и вы, мэтр Флер. Моя родственница мадам Сери. Мой сын Серж. Сухое? Серж, будь добр, дай бокалы!

Мэтр Флер. Я взял какое было. Ваша мать вам уже сообщила? Должен сказать, что я очень доволен. Дело было трудное, весьма трудное, оно требовало большого искусства. Впрочем, мы оказались на высоте. Чтобы вы получили точное представление, скажу, что подобные дела — далеко не редкость. В прошлом месяце…

Мари. Мэтр… Ради бога, откупорьте бутылку, я сейчас умру.

Валентина делает ей отчаянные жесты, указывая на мэтра Флера.

Мэтр Флер. За нашу удачу и за ваше счастье, дорогая мадам! Мари, Спасибо. Валентина, не дергайся, уверяю тебя, нет никакого повода.

Валентина. Ах, ну отлично. А я-то решила, что это он. Простите меня, мэтр, но я дум что это вы — неудачливый поклонник моей кузины. Боже, как я смеялась! Если бы вы видели, как вчера Мари рвала и метала!

Мари*(закрывал глаза)* Это он.

Валентина. Но ты же мне сказала…

Мари. Я только сказала тебе, чтобы ты стояла спокойно. И еще раз повторяю.

Мэтр Флер. Во всяком случае, мадам, я доволен уже тем, что удостоился чести рассмешить вас.

Валентина. Боже мой, какое ужасное недоразумение. За будем о нем. Можно вам долить?

Мэтр Флер. Благодарю вас, мадам. Моя чаша полна. *(Раскланивается и уходит.)*

Серж. Какая реплика! О такой можно только мечтать…

Валентина. Мари… А если ты его полюбила?

Мари. Что ты сказала?

Валентина. Я хотела сказать, что ты, может быть, над ним смеялась, но, сама того не подо-

зревая…

Мари. Слава богу, со мной редко случается что-нибудь, о чем я не подозреваю. Хватит и того, что жизнь подсовывает мне в готовом виде. Очень надо расхлебывать то, о чем сама не подозреваешь Не повезло ему.

Валентина. Самое глупое, что мне показалось, что ты поняла, что я у тебя хотела спросить, и…

Мари. Валентиночка, ляп есть ляп. По крайней мере я избавлена от прощальной сцены у него в кабинете, где я задыхаюсь от бумаг и вопросов.

Хоть одна выгода. Как бы выразился он, я выиграла процесс, но упустила домашний очаг. Ах! Ах!.. Не поехать ли нам сегодня ужинать в русский ресторан?

Серж. Непременно. Закатим грандиозный пир. Пусть Валентина наденет свое сиреневое платье. *(Выбегает.)*

Мари. У тебя есть сиреневое платье?

Валентина. Да. В шкафу. Кстати, он прав, оно такого стиля, какой мне больше всего идет…

Мари следит за Валентиной взглядом, в то время как та подходит к шкафу и открывает его.

Затемнение

Сцена четвертая

Валентина и Серж входят в темную комнату. Он зажигает свет. Оба одеты по-вечернему, слегка навеселе и очень жизнерадостны.

Валентина. Боже мой! Который час?

Серж. Три. Маму было ждать бесполезно, со своим скрипачом она не расстанется до утра.

Валентина. Кажется, скрипачи ей больше по вкусу, чем нотариусы. Я не выдержала: от такого треска в ушах через два часа с ума можно сойти.

Серж. А что она ему заказывала? Я и трети мелодий не знаю.

Валентина. Увы, он тоже… Слава богу, вы не каждый день получаете наследство. Я бы не вынесла… *(Ложится на кровать одетой.)*

Серж. Не мните платье, оно мне очень дорого. В этом вертепе вы были самой красивой женщиной.

Валентина. И вы этим гордились.

Серж. Да. Впрочем, великий художник — и знаменитый художник — обязан появляться на людях с красивыми женщинами с самыми красивыми женщинами, разве нет?

Валентина. Да. И, кроме того, каждую неделю их менять. Серж, мне очень жаль, но моя постель качается.

Серж. Это от водки. Пусть качается.

Валентина. Я всегда считала, что человек не может быть пьяным, а вот предметы, которые его окружают, — да. Интересная теория, правда?

Серж. Очень. Теории алкоголиков часто бывают интересны.

Валентина. Почему?

Серж. Потому что видно, что под ними кроется. Например. Хотя вы выпили два графинчика водки, вы считаете, что качается ни в чем не повинная кровать. Собственной вины вы не допускаете. Все сваливаете на других.

Валентина. Правильно. Совершенно правильно. *(Берет свою подушку и улыбается ей.)* Прошу прощения. Это я виновата.

Серж. Надеюсь, мама сможет добраться до дому.

Валентина. Весь оркестр пересидел за нашим столом неужели ни один скрипач ее не проводит? Боже мой, как мне хорошо. Племянник мой дорогой, почему мы не живем в постоянном опьянении, когда все жесты — легки, люди — очаровательны, препятствия — преодолимы?

Почему мы не проводим жизнь притворяясь, улыбаясь и изрекая глупейшие шутки?

Серж. Потому что от этого тускнеют глаза, краснеет нос и появляется второй подбородок.

Валентина. Какая жалость! А у меня уже начинается?

Серж. Нет, глаза у вас великолепные и зрачки восхитительно расширены. У вас такой овал лица, что мое сердце разрывается от нежности. Когда я с вами танцевал, мне хотелось одно временно и плакать и смеяться.

Валентина. Ваша теория тоже интересна. Стоит вам не много выпить, вы готовы всем безумно восхищаться.

Серж. Дело не только в восхищении. *(Идет, слегка шатаясь.)* Вглядитесь в меня, тетя Валентина. Вы не видите в глубине моей души зверя? Не замечаете в моих расширенных зрачках искры дикого желания?

Валентина. Ну, ну. Я где-то читала, что люди вашего поколения совершают акт плоти от скуки, думая совсем о другом.

Серж. Сколько лет было автору? Вот в чем вопрос. Прежде чем читать о современной молодежи, нужно знать, какого возраста сам автор.

Валентина. Да, да. И потом у вас во рту остается

привкус пепла и вы с тоской протягиваете свою сигарету скучающей подруге.

Смеются.

Серж. Смейтесь. Еще смейтесь, И говорите мне о голубых тюльпанах. О моем подбородке, поскольку он вам нравится. О переводных картинках в Монте-Карло. Вы никогда не из меняли своему мужу?

Валентина. Я не знаю, что значит изменять.

Серж. Валентина… У меня все-таки будет спортивная машина. И по четным дням я буду гением. У меня будут небритые щеки, круги под глазами, я буду срывать с вас сиреневое платье и рисовать на вашей коже солнца и радуги.

Валентина. Какая непристойность!

Серж. А по нечетным я буду гладко выбрит, вежлив, любезен, буду распахивать перед вами дверцу машины и возить вас в Булонский лес. Я буду умолять вас подарить мне хоть немного любви. Вы задержите свою руку в моей чуть-чуть дольше. И это мне потом будет сниться по ночам.

Валентина. Перестаньте. Если вы начнете придумывать…

Серж. Так что?

Валентина. Мне не устоять.

Пауза. Они смотрят друг на друга.

Серж*(глухо).* Когда я вас поцеловал… сегодня днем… Не притворяйтесь удивленной. Перед тем, как мама явилась с этим дурацким наследством.

Валентина. Да. Ну и что?

Серж. Если бы она не ворвалась..

Валентина Да?

Серж. Вы не думаете, что…

Валентина Я об этих вещах никогда не думаю.

Серж. Вы были так нежны, я уверен, что да… Все же это возмутительно Мы три месяца ждали этого наследства, и надо же, чтобы оно свалилось именно тогда, когда оно мне было совсем ни к чему.

Валентина. Не кричите. Иди сюда.

Он садится рядом с ней.

Да, я чуть было не потеряла голову. Да, ты мне нравишься. Ты — как котенок — царапаешься, кусаешься, а потом ластишься и горячишься, как влюбленный мужчина, А Флоранс?

Серж. Флоранс?

Валентина. Да, твоя приятельница.

Серж. Лоранс. При чем тут Лоранс?

Валентина Ты ведь ее любишь?

Серж. Мне кажется, да.

Валентина. И ты хочешь ей изменить?

Серж. Я не знаю, что значит изменять.

Валентина*(смеется).* Что с тобой сегодня?

Серж. Я схожу с ума, я великий художник, Дотроньтесь до моей колючей щеки.

Она кладет ладонь ему на щеку.

Чувствуете? я сорву с вас ваше сиреневое платье.

Валентина. И солнце, и радуга…

Он целует ее.

Занавес

Акт второй

Большая просторная гостиная в квартире на улице Бак, обставленная довольно роскошно.

Сцена первая

На сцене Серж и Валентина. Тотчас же входит Мари.

Мари. Все.

Валентина. Ну и что?

Мари. Ну и ничего. Он говорит, что это его фамилия, что к нему всегда так обращались и что к новой он не привыкнет.

Валентина. Все-таки странно для мажордома называться Оракул.

Мари. Согласна, странно. Но что ты от меня хочешь: я ему предложила уменьшительный вариант, например Орак. Нет: Оракул. Он не уступит. Но этого мало. Он очень всерьез воспринимает жизнь. Например, говорит, что не любит женщин. Мужчин тоже. Заодно и детей. Тогда кого же?.. Что касается политики, он ею не

занимается. Вернее, постольку.

Серж. Постольку — поскольку?

Мари. Да. Он — бонапартист. Увы! И мне пришлось десять минут говорить о великом императоре.

Валентина. А что он о нем думает?

Мари. Много чего. Он даже написал его биографию, которая, разумеется, не имела успеха.

Валентина. Почему «разумеется»?

Мари. Потому, моя родная, что люди, для которых Наполеон — кумир, в большинстве случаев знают его жизнь в подробностях.

Валентина. Бедный Оракул.

Мари. Поэтому, я вас умоляю, ни слова о Ста днях или о Меттернихе. Слово «Ватерлоо» предаем анафеме. А твои друзья Серж, пусть больше здесь своих речей не произносят.

Серж. Оракул их перестреляет.

Мари. Хуже — он надуется, Он и без того не выглядят жизнерадостно, это будет ужасно. Валентина, надеюсь, ты меня слушала?

Валентина*(корректно).* Разумеется, Мари. Мажордом бонапартист. Но, так или иначе, мне с ним общаться не придется: раз он не любит женщин и вообще ничего не любит, о чем мне с ним говорить?

Мари. Превосходно. Вдобавок ко всему кухарка — корсиканка. Мне очень повезло, что они у меня остались. Шесть часов, сейчас придет моя массажистка. Я вас покидаю. Если появится мэтр Флер, займите его на некоторое время.

Серж. Мэтр Флер? Я думал, его чаша полна.

Мари. Он мне нужен для финансовых дел. У мужчин такого сорта чашу никогда не переполнить. Валентина, будь с ним поласковей.

Валентина. Ты только и делаешь, что даешь мне советы.

Мари. Ты же обожаешь их. Твой жизненный идеал — забавы и нотации. Я скоро. *(Выходит.)*

Валентина. Мне кажется, она преувеличивает.

Серж. Может быть.

Валентина. Ну, а как вы, расскажите? Что с мастерской? Как вам работается?

Серж. Хорошо.

Валентина. Ван Гог или стиральный порошок?

Серж. Как Всегда, и то и другое сразу. Вы думаете, я способен сделать хоть какой-то выбор? Хоть чем-нибудь по жертвовать?

Валентина. Жертвовать… жертвовать… Придет же в голову! В вашем возрасте все любят жестокие слова. Жертвовать, отрекаться, верить…

Серж. Не будем углубляться. А как вы? В вашей

комнате хорошее освещение для переснимания картинок?

Валентина. Я бросила. Отреклась. Теперь я вышиваю крестиком.

Серж. Боитесь, что Оракул будет над вами смеяться?

Валентина. Вот именно. Боюсь оскорбить его чувство собственного достоинства.

Пауза.

Серж. А как ВЫ думаете, что будет с его собственным достоинством, если он застанет меня в вашей постели?

Валентина. Об этом не может быть и речи.

Серж. Наоборот. Я только об этом и думаю.

Валентина. Это очень мило с вашей стороны, но…

Серж. Когда? Вы дарите мне улыбки, берете меня за руку, разыгрываете из себя добрую тетю Валентину. Я больше не могу. Когда?

Валентина. Когда вы меня снова соблазните. Когда вы будете веселым и смешным. Когда вы не будете выглядеть, как ночной колпак. Что, в конце концов, с вами происходит?

Серж. Со мной происходит то, что я не могу писать, что я мучаю Лоранс, что мне ничего не мило.

Со мной происходит то, что я гублю свою жизнь.

Валентина. Так выкиньте ее из головы. Перестаньте думать о вашем будущем, о вашей ответственности, обо всех этих пустяках. Забудьте на время о Франции, и о мире, и о несправедливости, и об атомной бомбе.

Серж. И без меня достаточно людей, которые об этом забывают. Людей, уткнувшихся в свои телевизоры, вцепившихся в свои машины и свои удовольствия. Меня это убивает. Меня убивает их равнодушие и конформизм. Им плевать на всех окружающих. Им плевать на все, что не «они».

Валентина. Однако вы должны быть довольны жизнью.

Серж. Чем? Тем, что у меня наконец хорошо сшитые костюмы, что у меня открытая машина и что я умею красиво тратить деньги, заработанные моим отцом?

Валентина. Кстати, у вас костюмы слишком приталены; я не решалась вам это сказать.

Серж. Ну и что? К тому же вы не правы.

Валентина. да. Повернитесь.

Он машинально поворачивается, но потом взрывается.

Серж. Вы издеваетесь надо мной! Не могу

понять, почему я трачу время на разговоры с вами?!

Валентина. Я тоже.

Серж. В жизни вы только к одному относитесь серьезно, и вы знаете к чему.

Валентина. Тс-тс, без непристойностей.

Серж. Валентина… когда?

Валентина. Тихо. Идет старая гвардия.

Входит Оракул.

Оракул. Мадам просит джин. Не прикажете ли приготовить коктейль для мадам или мсье?

Серж. Прекрасная мысль. Все равно что. А что подать вам, Валентина?

Валентина*(изысканно)* Оракул, будьте так любезны, Я уверена, вы знаете рецепт восхитительного коктейля, которого мы никогда не пробовали. Я полностью полагаюсь на ваш вкус.

Оракул. Благодарю, мадам. К вашим услугам. *(Выходит.)*

Серж. Он, наверно, назвал свой коктейль «Аустерлиц».

Валентина. Вообще, если вдуматься, это очаровательное имя. Когда я к нему обращаюсь, у меня впечатление, что я твержу молитвы: Оракул, принесите мне коктейль; Оракул, вызовите мне

такси; Оракул, молитесь за нас.

Серж. Почему вы так с ним кокетничаете?

Валентина. Ваша мама утверждает, что он ничего не любит, и это меня интригует, О, чьи-то голоса. Уж не Купидон ли? Да, да, вот и он.

Входит Мэтр Флер.

Мэтр Флер. …Как я рада вас снова видеть! Вы не представляете себе, как я была расстроена в тот день, когда я совершила ту ужасную оплошность. Надеюсь, что вы на меня больше не сердитесь. Мари меня до сих пор упрекает.

Мэтр Флер. Мадам, как я могу на вас сердиться, Ваша оплошность предотвратила другую, более значительную.

Серж*(строго).* Не хотите ли вы сказать, мсье, что женитьба на моей матери представляется вам оплошностью?

Валентина. Серж… что с вами?

Серж. Со мной то, что я хотел бы в этом разобраться, черт возьми! Мсье, я вас спрашиваю!

Мэтр Флер*(испуганно).* Дорогой мсье, никоим образом. Я хотел сказать, что совершил бы ошибку, докучая вашей матери чувствами, которых она не разделяет.

Серж. И правильно. Что вы выпьете? Оракул…

Входит Оракул.

Мэтр Флер*(сбитый с толку).* Оракул?.. Хм.

Серж. Что вы желаете?

Мэтр Флер. Коньяк, пожалуйста. И если у вас есть, пожалуйста…

Валентина*(перебивая его).* Как вы правы! Сейчас слишком много пьют виски. Мы совсем забываем про наш старый добряк, уф, то есть, я хотела сказать — добрый коньяк.

Оракул выходит.

Ох!., Мне даже жарко стало.

Мэтр Флер. Но почему?

Валентина. Пари держу, что вы хотели попросить коньяк Наполеон?

Мэтр Флер. Хм…да.

Валентина. Оракул… Наш мажордом — бонапартист.

Мэтр Флер. Не вижу связи.

Серж. Я тоже.

Валентина. Я представляю себе, как для человека может быть унизительно видеть имя любимого существа на бутылочной этикетке. Между двумя собачками — «Блэк энд Уайт» и…

Входит Мари.

Мари. Мэтр Флер! Давно вы здесь? Как вы находите, хорошо мы устроились?

Мэтр Флер. Чудесно, дорогая мадам, чудесно. В старых домах есть несравненное очарование, только им свойственное достоинство. Чтобы мне ни говорили о комфорте и освещенности, для меня ничто не сравнится со старыми перилами из кованого железа, лестницей со стертыми ступенями, с домом, в котором, чувствуется, столько было пережито, в котором люди любили, страдали…

Все трое смотрят на него с состраданием.

Мари. Все вернулось на круги своя. Мэтр, надеюсь, вы считаете происшедший досадный инцидент исчерпанным?

Валентина. да, да. Я его уже об этом просила.

Мари. Ах да! Ну и что?

Валентина*(весело).* Исчерпанным.

Мари. Тем лучше. Таким образом, мы сможем спокойно по говорить о делах. Что вы пьете?

Валентина. Коньяк. Я как раз спасла его от такого ужасного промаха!

Серж. Не надо преувеличивать.

Мари. Если уж теперь сама Валентина спасает от промахов…

Валентина. Я буду за собой строго следить.

Серж. Я вам помогу.

Входит Оракул с подносом.

Оракул. Вот коктейль, который заказывала мадам. Если мадам угодно попробовать…

Валентина*(пьет).* Восхитительно. И какой чудный привкус… Если бы это не было вашим секретом, Оракул, я бы спросила вас, что там такое. Но ведь вью мне не скажете, не правда ли?

Оракул*(покорен).* Может быть, когда-нибудь и скажу.

Валентина. Так и знайте, я вам это припомню. А ваше мнение, Серж? Правда, восхитительно?

Серж. Божественно.

Мари*(нервно).* Я хотела бы проконсультироваться с вами, мэтр, на предмет того, во что лучше вкладывать деньги.

Валентина. Вот тебе на! Простите меня, мэтр, но, Мари, из-за этого не стоило беспокоить мэтра Флера. Насчет вкладывания денег я знаю все. Еще бы, мой муж только об этом и говорит.

Мари. Ты позволишь мне…

Валентина. Есть только один надежный способ. Один-единственный.

Серж*(с иронией).* Вот как?! Какой же?

Валентина. Все вкладывать в Швейцарии. Все в Швейцарии. Жан Лу считает так.

Серж разражается громким смехом.

Мари. Мэтр… пойдемте, пожалуйста, со мной. Будем говорить о делах у меня. Там нам будет спокойнее.

Они выходят.

Валентина. Как странно, Мари вроде чем-то раздражена. Я слишком много говорю?

Серж. да нет. Вы прелестны.

Валентина. Отчего вы вдруг набросились на беднягу?

Серж. От радости. *(Смеется.)*

Валентина. Таким я вас обожаю.

Серж. Вам бы вообще нравилось, чтобы я, как вы, рассеянно скользил по жизни, произнося остроумные реплики?

Валентина. Боже мой, конечно. А вас это не привлекает?

Серж. Безумно. Вот только не уверен подходящий ли это образ жизни для мужчины.

Валентина. Что все это значит: образ жизни мужчины, жизнь мужчины. Опять слова.

Серж. Вы знаете, а, по существу, мы только

это и можем отстаивать. Пышные, затасканные слова, но за ними скрыта трепещущая правда, иногда залитая кровью. Что значит: мужчина? Это может значить все. Вам кажется, что я повторяю избитые истины, но, боже мой, в наши дни это слово употребляется все реже в реже. И даже, скорее, в шутку.

Валентина. Продолжайте.

Серж. Зачем? Я знаю, вы не выносите разговоров о политике. А странно, мне хочется говорить с вами о серьезных вещах гораздо больше, чем с… *(Замялся.)*

Пауза.

Валентина. Вы говорите с Лоранс о тряпках?

Серж*(сухо).* Нет. Впрочем, вы мне напомнили, что у меня с ней свидание.

Валентина. Видите, общение со мной приносит вам пользу.

Он смотрит на нее, делает к ней шаг, затем внезапно выходит из комнаты.

Входит Оракул.

Оракул. Мадам просят к телефону. Мсье Серк. *(Выходит.)*

Валентина. Мой муж? Не может быть? Где? *(Бе-*

рет трубку.) Жан Лу? Как ты поживаешь?.. Что… Да нет, родной… Я была у… Откуда ты узнал?.. А!.. Уже целый месяц… Как летит время, просто ужас… Как ты живешь?.. Чтобы я вернулась?.. Ах! Я посмотрю… Нет, нет, я посмотрю… Конечно, ты можешь меня навестить… Но я хотела бы тогда быть одна… Постой… завтра, да, завтра, около трех… Естественно, я по тебе соскучилась… Ну да… Целую. *(Вешает трубку.)* Оракул…

Входит Оракул.

Оракул, я кончила говорить.

Оракул. ??

Валентина. Хм… Я хочу сказать: телефон свободен.

Оракул. Спасибо, мадам. *(Выходит.)*

Валентина нервно делает несколько шагов по комнате. Входит Мари.

Мари. Опять этот бедный Флер… Ты, Валентина, витаешь в облаках… Ты хотела бы, конечно, чтобы я купила швей царские акции?

Валентина. А что в этом плохого?

Мари*(устав с ней спорить).* Что плохого? Ты разве не знаешь, что женщинам на биржу входить не разрешается?

Валентина. Неужели?

Мари. Представь себе. Я хотела пойти туда с биржевым агентом. Я люблю все видеть своими глазами. Так вот, женщинам вход воспрещен.

Валентина. Переоденься мужчиной, в чем дело.

Мари. Я тоже так подумала.

Валентина. Шляпа, длинное пальто, туфли возьми у Сержа… Было бы очень забавно…

Мари. Если бы ты видела лицо метра Флера, когда я ему об этом сказала… Дорогая, для него биржа — гробница фараонов… Меня бы потом по ночам мучили привидения. Я отказалась от этой мысли. Куда ушел Серж?

Валентина. У него свидание с Лоранс.

Мари. А! Что ты об этом думаешь?

Валентина. О чем?

Мари. О Лоранс.

Валентина. На вид она очаровательна.

Мари. Если он на ней женится, нам будет не до смеха. Она выглядит такой напористой… Славная девушка, без сомнения, но напористая.

Валентина. У меня создается впечатление, что в наше время иметь двадцать лет — тяжкий крест.

Мари. Ах! У меня уши вянут! Разве не общеизвестно, что иметь двадцать лет всегда тяжкий

крест. Что сейчас об этом модно говорить — это одно. Но что ты это повторяешь — это уже другое. Что с тобой?

Валентина. Серж мне сказал…

Мари. Серж обожает громкие слова.

Валентина. Но за этими словами скрываются истины, хм… которые могут стать кровоточащими.

Мари*(поражена).* Интересно, что Оракул намешал тебе в коктейль? Во всяком случае, разреши тебе заметить, что подобные темы не в твоем стиле.

Валентина. А какие именно?

Мари. Хм… общие.

Валентина. Ты находишь, что мой стиль — не общие темы?

Мари. Нет. Твой стиль — детали.

Валентина. Однако ты мне всегда повторяла, что я не создана для мелочей.

Мари*(упорно).* Между мелочами и деталями большая разница.

Валентина. Ты меня совсем запутала. Мне тоже интересно, что туда намешал Оракул. Мне жарко. Ты завтра, как собиралась, едешь к Шанель?

Мари. Да. А ты нет?

Валентина. Нет. Не думаю. У меня кое-какие

дела.

Мари. Ну что ж.

Входит Оракул.

Оракул. Кушать подано.

Мари. Пойдем, Валентина. Я покажу тебе новый сервиз, прекрасней которого нет ничего на свете.

Все выходят.

Занавес

Сцена вторая

Валентина одна. Она вышивает. Входит Оракул.

Оракул. Мсье Серк просит мадам его принять.

Валентина. Боже мой, проводите его. Через минуту… *(Лихорадочно поправляет перед зеркалом прическу.)*

Входит Жан Лу Серк, красивый мужчина лет сорока пяти, с мягким и добрым выражением лица.

Жан Лу!.. *(Бросается ему на шею.)*

Они целуются.

Жан Лу. Валентина, наконец-то… Это уже слишком, знаешь. Целый месяц. Целый месяц без всяких известий. Что ты здесь делаешь?

Валентина. О, это длинная история.

Жан Лу. Воображаю. *(Закрывает глаза.)* Во всяком случае, выглядишь ты хорошо, это уже кое-что…

Валентина. А вот ты-нет. Как твои дела?

Жан Лу*(неопределенно).* Идут, идут… Так что же?

Валентина. Так вот, представь себе, что Тони накануне отъезда заболел коклюшем.

Жан Лу. Тони?

Валентина. Энтони Бражов, русский. Я же тебе говорила, что уезжаю с ним.

Жан Лу. Прости меня, у меня все в голове перемешалось. Каждые полгода новое имя это слишком.

Валентина. Если ты приехал для упреков…

Жан Лу. Нет. Я больше не упрекаю. Уже давно. Итак, твой русский подхватил коклюш.

Валентина. да. Представляешь себе… Две недели на Лазурном берегу слушать кашель и кутать его в одеяла… Мне стало дурно.

Жан Лу. Почему ты не вернулась домой?

Валентина. Ну, ты знаешь… я тебе уже сказала,

что уезжаю, опять тебя огорчила, и подумала, что будет ужасно, если твое огорчение пропадет впустую.

Пауза. Жан Лу смотрит на нее.

Жан Лу. Да, это было бы ужасно.

Валентина. Вот. И тогда я вдруг вспомнила о Мари, моей кузине. Уже восемь лет я собираюсь поехать к ней в Рошфор. Я ей позвонила. Я подумала: деревня, осень, детство… все такое…

Жан Лу. А что ты делаешь на улице Бак?

Валентина. Так вот, муж лишил ее наследства или еще не знаю чего… из-за другой женщины. Мы поселились в отеле «Акрополь», ты слышал о таком?

Жан Лу. Нет.

Валентина. Вообще, там очаровательно, но, ты прав, не в твоем вкусе. Словом, она все-таки добилась наследства, и мы втроем переехали сюда.

Жан Лу. С Тони?

Валентина. Нет, с Сержем, ее сыном. Ты его однажды видел, ребенком, он был совсем маленький. Не помнишь?

Жан Лу. Я видел много детей, и все они были маленькие.

Валентина*(смеясь).* Глупый… Так, значит, тебе

дали адрес в цветочном магазине… Мой Жан Лу, ты не очень скучал один?

Жан Лу. Я работал. Как всегда. И тосковал по тебе. Как всегда. Мы же договорились раз и навсегда, Валентина. Ты уезжаешь, с этим ничего не поделаешь, но ты должна о себе сообщать. Я очень волновался.

Валентина. Волновался… Со мной никогда ничего не случается. Оракул!.. Оракул!..

Жан Лу. Что с тобой?

Валентина. Это мажордом.

Входит Оракул.

Что тебе предложить? Как всегда, мятную воду? Оракул, принесите, пожалуйста, мятной воды, а для меня — бокал шампанского.

Оракул выходит.

Он бонапартист. Правда, смешно?

Жан Лу. Да. Когда ты вернешься?

Валентина. Понимаешь, мне сначала нужно подготовить Мари. Она была так добра, ты себе не представляешь. Мне так стыдно, когда я думаю… *(Спохватывается.)*

Жан Лу. Что тебе стыдно?

Валентина. Я ее обманула, ужасно обманула.

Ты знаешь, Мари по сути своей высокоморальное существо. Мы же воспитывались вместе, и вообще.

Жан Лу. Так в чем дело?

Валентина. Я поменяла роли. Я сказала ей, что не на меня, а на тебя находит блажь. И что я незаметно удаляюсь каждый раз, чтобы тебя не стеснять. Что, впрочем, я нахожу очень элегантным. То есть, я имею в виду, в теории…

Жан Лу. Браво! Если я правильно понял, Мари считает меня негодяем, выгоняющим жену из дому, чтобы спокойно принимать любовниц. Браво! Это верх!

Валентина*(испуганно).* Но это же интересно — выступить в другой роли.

Жан Лу. В роли мерзавца вместо кретина. Значит, для Мари, насколько я понимаю, Поли, Мишели, Жаны, Пьеры и прочие это Полины, Мишлины, Жанетты и так далее. И подбирал их я. Валентина, твое воображение не имеет границ.

Валентина. Умоляю тебя. Мне и так неловко. Представь, когда я ей это все рассказывала, сразу по приезде, мне было так стыдно, что я даже заплакала. В «Акрополе».

Жан Лу. В твоем рассказе это было очень кстати.

Валентина. При всем том, я думаю, если бы она даже знала правду, она все равно оставила бы меня у себя. Гостеприимство она понимает абсолютно, как испанцы.

Жан Лу. Это очень ценно, когда кто-нибудь относится к чему-нибудь по-испански. Валентина, если бы это была не ты, Валентина, если бы я не дорожил тобой больше собствен ной жизни, больше моей репутации, больше собственного мнения о себе…

Она подходит к нему и обнимает его за шею.

Валентина. У нас такая любовь, Жан Лу. Зачем огорчать друг друга?

Жан Лу. Не будем снова говорить об одном и том же. Я устал, Валентина. В доме без тебя смертельная тоска. Нет больше цветов, музыки, глупостей, я умираю со скуки. Я…

Входит Мари и вздрагивает от неожиданности.

Мари*(высокомерно).* Жан Лу, вы? Как поживаете?

Жан Лу. Спасибо, Мари, ничего. Сколько лет…

Мари. Действительно. Заехали навестить Валентину?

Жан Лу. Э… да… Я хотел…

Мари. Извините меня, я сейчас. Поправлю прическу, на улице ветер срывает крыши. *(Выходит.)*

Валентина делает Жан Лу отчаянные жесты, от которых он начинает хохотать.

Жан Лу. Не волнуйся, твоя добродетельная семейная репутация не пострадает. Но на меня она, кажется, смотрит косо.

Валентина. Уверяю тебя, она тебя простит. Ты ей очень нравился. Это не страшно.

Входит Мари.

Мари. Оракул! Мой джин. Итак, дорогой Жан Лу, как идут дела?

Жан Лу. Прекрасно, благодарю вас.

Мари. Мне всегда говорили, что кино — дело опасное, я имею в виду быть продюсером. Но, очевидно, чем-то это компенсируется.

Жан Лу. Компенсируется?

Мари. Натурой. Дорогой Жан Лу, не будем морочить друг другу голову. У Валентины куриные мозги, это факт.

Валентина. Я…

Мари. Ты, ты сейчас помолчи. Куриные моз-

ги, но золотое сердце. С детства я привыкла ее защищать.

Валентина. При этом наказывала.

Мари. да замолчишь ли ты? И намерена защищать в дальнейшем, до меня дошли слухи о вашем своеобразном понимании семейных отношений, но, живя в Рошфоре, я ничего не могла предпринять. Месяц же назад бедная девочка прибежала ко мне в слезах…

Валентина. В слезах, в слезах…

Мари. Не строй из себя ничего. Цинизм сейчас не к месту. Ты рыдала передо мной. Мне даже пришлось выйти из комнаты, так как от слез меня с души воротит — в прямом или в переносном смысле, в зависимости от объекта.

Жан Лу. Можно мне попросить еще воды?

Мари. Бесспорно. Оракул!

Жан Лу. Странное имя для мажордома — Оракул!

Мари. Имен — не выбирают. Так на чем я остановилась? да! дорогой мсье, я не имею представления о ваших сексуальных запросах. Вероятней всего, они, как и у большинства, — среднего уровня, но умножены вашим воображением в соответствии с вашим мужским тщеславием, не— уверенностью в себе и стремлением пускать

пыль в глаза, как принято в высшем свете.

Жан Лу. Вы слишком суровы.

Валентина. Слова Мари не лишены смысла. Сколько мужчин ведут себя так, как если бы… а потом… пф! *(Спохватывается.)*

Мари. Я не собираюсь читать вам нотаций. Мое мнение кратко — вы отвратительны. Ваше отношение к Валентине — недопустимо. На ее месте я бы давно развелась. до тех пор, пока она захочет здесь оставаться, мой дом — ее дом. Но если ее снова приманит мигающий, как маяк, непостоянный свет вашего очага и она захочет совершить очередную глупость — пусть возвращается! Я все сказала.

Валентина*(увлеченная ее порывом).* В самом деле, от этой кочующей жизни можно сойти с ума!

Жан Лу. Валентина! Ты путаешь.

Пауза.

Валентина. Я… Мари… прости меня, но я вернусь к Жан Лу!

Мари. Прекрасно! Куриные мозги, но золотое сердце. Вы не заслуживаете вашего счастья, Жан Лу!

Жан Лу. В жизни, знаете, ничего не дается по заслугам. Итак, я ухожу. Я жду тебя дома, Валентина,

в любое время, когда ты захочешь, до свидания, Мари. Спасибо, что приютили Валентину на этот месяц. *(Наклоняется к ее руке о выходит.)*

Пауза. У Валентины пристыженный вид. Мари ходит по комнате из угла в угол.

Мари*(взрываясь).* А ты?! Ну хорошо, ты его любишь, твое дело, но заставь хотя бы просить себя, не прибегай по первому свистку! После этого не стоит удивляться его гусарским замашкам!

Валентина. О! Гусарским… Жан Лу!.. Он такой деликатный.

Мари. деликатный! Хочешь знать правду, Валентина, ты меня сведешь в могилу! У меня такое впечатление, что ты всюду подкладываешь вату: под мебель, между людьми, между жизнью и тобой… Кошмар…

Входит Серж.

Серж. Что тут еще происходит?

Мари. Происходит, что Валентина нас покидает! Муж ей свистнул!

Серж. Свистнул?

Мари. Он приходил сюда. Сказал: «Валентина, домой!» И Валентина возвращается. Его, наверно, любовница бросила.

Валентина. О боже… Мари, все не так просто.

Мари. Видела я много глупостей в своей жизни и подлостей. Но…

Входит Оракул, красный как рак.

Оракул*(Сержу).* Мсье слышал?

Серж. Нет. Что?

Оракул. Что мне сказал мсье, которого мсье встретил в дверях?

Мари. Предполагаю, что это Жан Лу. Что он еще сказал?

Оракул. Я позволил себе заметить этому мсье, что полностью разделяю мнение мадам. Мне не всегда приходилось об служивать только джентльменов, но все же… есть границы.

Мари. Вы совсем не обязаны были…

Оракул*(раскаляясь).* Вы знаете, мадам, что мне ответил этот мсье?

Мари. Нет, Оракул, но…

Оракул. Слово на одну букву, мадам. Если все друзья мадам будут меня оскорблять, не знаю, смогу ли я задержаться…

Мари. Ах нет! Нет и нет! В конце концов, это слово такое же, как любое другое, зависит от того, как на это посмотреть. Нет, Оракул. Мой девиз ни шагу назад. Летите на правый фланг наших войск

и несите мне джин. Если вы чувствуете, что силы вас покидают, хлебните тоже. да, да, Оракул, я знаю, что в определенных случаях вы воздаете должное коварному Альбиону.

Оракул. Во всяком случае, мадам знает, на каких позициях я стою, (Валентине.) И буду стоять. *(Кланяется ей и вы ходит.)*

Мари. Он с ума сошел!

Валентина. Действительно, для мажордома… Хотя заметь, по сути своей это очень трогательно. Оракул явно мне симпатизирует, хотя, как говорят, не любит женщин. Я вчера видела, когда он готовил мне коктейль, он на меня так посмотрел…

Мари. Отвлечемся от Оракула. Если он будет совать во все свой нос, я отправлю его на гауптвахту, Я нахожу, что военные все больше наглеют. Что с тобой, Серж?

Серж. Это был ваш муж, на лестнице?

Валентина. Думаю, да. Как он вам показался?

Серж. Вполне. *(Пауза.)* Вы к нему возвращаетесь?

Мари. Я же тебе сказала.

Серж. А!

Пауза.

Мари. Что ж, я, пожалуй, пойду пройдусь, чтобы разрядиться. Я в полном отчаянии. Воображаю, как у меня подскочило давление. Валентина, подумай, подумай хорошенько. Оракул, пальто и джин, срочно. *(Выходит.)*

Серж*(мечется по комнате).* Так это правда?

Валентина. Что? Что приходил Жан Лу? Что я возвращаюсь домой? да!

Серж. И вы меня покидаете…

Валентина. Я покидаю вашу маму и вас, но я буду часто приходить. Не горюйте!

Серж. Я этого не вынесу.

Валентина. Старая безумная тетка от вас уезжает — что тут страшного?

Серж. Видите ли, я… колебался. Ваша история казалась мне… неправдоподобной. Ваш муж со своими любовницами, ваша терпимость, всепрощение…

Валентина. Почему неправдоподобной?

Серж. Потому что вы не такая женщина, которую можно оставить ради легкого увлечения. Вы сами скорее воплощенное желание, чем покорная супруга. Словом, как вы говори те — мне казалось, вы поменялись ролями.

Валентина. Смотрите-ка.

Серж. И вдруг, к несчастью… за вами приходит

муж, свистит, и вы бежите за ним… То есть, думаете, что побежите.

Валентина. Как так: думаю?

Серж. Потому что вы останетесь здесь, со мной. Я много думал, Валентина. Я хочу быть с вами. С вашими переводными картинками и причудами, пусть даже притворными причудами. Мне наплевать, что настоящее и что нет. Вообще, мне наплевать, что такое правда.

Валентина. Вы ее не знаете.

Серж. Тем хуже. Но в любом случае я говорю слишком много. Правда это вы, Валентина. Это — я. Это — то, что я чувствую, когда вы смеетесь, когда вы проходите через комнату.

Валентина. Осторожнее, Серж, вы начинаете мне говорить о любви.

Серж. А если и так? Я устал, Валентина, от уважения, от взаимопонимания, от пристойности, как на словах, так и на деле. Мне плевать, пристоен я или нет. Мне все равно, кто я — великий художник или дешевый плакатист. Правда — вот она, грубая и гордая, когда я стою перед вами.

Валентина. Я очень рада, что у вас наконец появился нормальный взгляд на жизнь.

Серж. Зачем вы шутите? Разве вам хочется?

Валентина. Признаюсь, я как-то не могу со-

браться с мыслями… После всех этих историй..

Серж. Валентина… нежная Валентина… немного растерянная и улыбающаяся… с голубыми тюльпанами… И вы думаете, что я позволю этому идиоту вас отобрать! *(Обнимает ее.)*

Валентина. Серж, вы иногда так ласковы. С вами хорошо.

Серж. Вам всегда будет хорошо со мной. Вас никто не тронет. Никто не будет швыряться вами, как удобной игрушкой. Вы будете за мной как за каменной стеной. Как смешно, что я произношу такие слова. Как смешно, что избитые слова могут так точно соответствовать жизни.

Валентина*(оцепенев).* Вы меня любите? Я буду за вами как за каменной стеной? Со мной больше ничего не случится? Ни побегов, ни гостиниц, ни… *(Останавливается.)* Как жаль!.. Нет, я не то хотела сказать, я этого не думала. Говори еще, скажи мне самые резкие, самые невероятные слова, но не говори о том, что все будет хорошо и просто.

Серж. Что ты имеешь в виду?

Валентина. Скажи мне, что все это страшно, что ты убьешь меня, если… если я уйду, скажи мне, что все это очень серьезно, что я должна быть серьезной. *(Раздражаясь.)* Сделай что-ни-

будь, встряхни меня.

Серж*(смеясь).* Зачем тебе?.. Комедия кончена: ты моя, ты остаешься со мной.

Валентина. Я была уверена, что ты успокоишься. Ты правда думаешь, что все хорошо?

Серж. Нет. Я никогда больше не буду спокоен. Но я чувствую себя счастливым. Очень счастливым. Может быть, ты сможешь дать мне несколько часов счастья, но так, чтобы мне не казалось, что ты надо мной смеешься?

Валентина*(после паузы).* да, смогу.

Занавес

Сцена третья

Валентина в халате ставит в вазу цветы. Она весела, напевает, вертится. Входит Серж в спортивной куртке.

У него озабоченный вид.

Валентина. Уже одет? Куда ты?

Серж. Зарабатывать деньги. Ты меня любишь?

Валентина. да, а что?

Серж. Так же, как неделю назад? Так же, как вчера? Так же, как сегодня ночью?

Валентина. Да, а что?

Серж. Просто так. Пока. *(Целует ее и выходит, насвистывая.)*

Входит Мари, тоже в халате, совершенно сонная. Она что-то бормочет и садится.

Валентина*(полная противоположность Мари, оживлена и кокетлива).* Мари, ты стоя спишь…

Мари. Сидя.

Валентина. Серж уже уехал на работу.

Мари. А зря. Он плохо выглядит. Хотя настроение у него неплохое, это уже кое-что. *(Пауза.)*

Валентина, смущенная, напевает оперную арию.

Валентина?

Валентина*(вздрагивая).* Что?

Мари. Пожалей мои уши. Ты всегда фальшивила.

Валентина. Ничего подобного, Кстати, я была знакома с одним итальянцем, который говорил, что я должна учиться пению.

Мари. И я то же самое говорю.

Валентина. Уверяю тебя, он в этом разбирался.

Мари. Тенор?

Валентина. Нет, какой тенор, старый, совсем старый итальянец.

Мари. Бывают старые теноры.

Валентина. Конечно. Но он работал в кино.

Мари. Тогда почему он разбирался в пении?

Валентина. Потому что… не знаю. Все итальянцы в пении разбираются, разве нет? Скала, Фениче — они этим вскормлены с колыбели.

Мари. Боже. *(Закрывает глаза.)* Послушай, твой муж звонил вчера вечером, когда вы были в театре.

Валентина. Жан Лу… Боже мой!

Мари. Неделю назад он приходил, если можно так выразиться, просить у меня твоей руки в очень нервничал. Ты должна ему позвонить и сказать, что ты передумала.

Валентина. Я?

Мари. Разве мне кажется?

Валентина. Знаешь, я же еще как следует не обдумала.

Мари. Так вот! Ты должна обдумать и поставить все точки над «и».

Валентина. Да, да, конечно. Неужели ты считаешь, что…

Мари. Валентина, мне давно не двенадцать лет. Он сказал, что заедет около десяти. Сейчас без четверти. Я специально встала, чтобы тебя предупредить. Если ты ничего не имеешь против,

я снова лягу. *(Встает.)*

Валентина. Мари… Мари, я не знаю, как мне быть.

Мари. Если хочешь избавиться от него, спой ему свою песенку. *(Поет писклявым голосом.)* Тра-ля-ля, сердце красавицы, тра-ля-ля… *(Выходит.)*

Валентина, оставшись одна, бросается к зеркалу, поправляет прическу, затем умирающим голосом зовет Оракула.

Валентина. Оракул.

Оракул. Мадам?

Валентина. Оракул, сейчас придет мой муж. Проводите его в, прошу вас, Оракул, не делайте ему никаких замечаний. Не сегодня.

Оракул. Мадам, я буду нем, *(Кланяется и выходит.)*

Валентина берет книгу, захлопывает ее, включает радио, выключает, садится, снова встает. Звонок в дверь. Входит Жал Лу.

Валентина. Жан Лу… Как сегодня утром все рано встали.

Жан Лу. У меня деловая встреча в одиннадцать часов. Как дела? Вещи собраны?

Валентина. Вещи?

Жан Лу. Я жду тебя уже целую неделю.

Валентина. Да, я должна была тебе позвонить.

Жан Лу. Ты должна была приехать.

Валентина. Я не могла, Жал Лу. Я… словом, возникло препятствие.

Жан Лу. Как зовут?

Валентина. Серж.

Жан Лу. А! Маленький мальчик. Вырос.

Валентина. Серж, послушай меня. Фу, я хочу сказать Жан Лу. Послушай меня. Это очень серьезно. Он мне очень дорог.

Жан Лу. Минутная слабость.

Валентина. Не будь таким, Я не могу оставить Сержа, во всяком случае, сейчас.

Жан Лу. Понимаю. *(Пауза.)* А если бы я сказал тебе: я или он, как бы ты поступила?

Валентина. Я… я не знаю.

Жан Лу. Понимаю.

Они смотрят друг на друга.

Он знает правду?

Валентина. Какую правду?

Жан Лу. Ту самую. О моих любовницах.

Валентина. Нет. Я ему ничего не сказала. Ну что ты!

Жан Лу. Ты ему скажешь.

Валентина. О нет!

Жан Лу. да, Валентина, это слишком несправедливо, другие знали. Они знали, что отнимают тебя на время у человека, Который тебя любит, и они знали, что это не в первый раз. А он не знает.

Валентина. Но…

Жан Лу. В их глазах ты не находила того отражения, которое видишь в глазах этого мальчика: отражения чистой Валентины, наивной, доверчивой и нежной, беззащитной перед жизнью, одиноко брошенной в нее, той Валентины, которую знал только я. И этой Валентиной я дорожу. Впрочем, другой тоже. Я требую, чтобы ты с ним поговорила.

Валентина. Он меня возненавидит.

Жан Лу. Ты узнаешь, что он в тебе любит — тебя или твою роль. Это знать нужно. Если тебя, то ты свободна. Слышишь: свободна, совсем свободна.

Валентина. Жан Лу, не проси этого у меня.

Жан Лу. Я у тебя редко что-нибудь просил. Но лучше будет, если он узнает это от тебя, чем от меня.

Валентина. Ты ему скажешь?

Жан Лу. Конечно. Ради тебя же, ради меня, ради него самого. Скажи ему все сегодня вечером. Зав-

тра я тебе позвоню. До свиданья. *(Очень быстро выходит.)*

Валентина одна. Она застыла на месте. Вдруг неожиданно зовет.

Валентина. Мари, Мари!

Появляется Мари, все такая же сонная.

Мари. Смотри-ка! Недолго он задержался.

Валентина. У него деловое свидание в одиннадцать часов.

Мари. Ах, вот что. Создается впечатление, что мне придется окончательно проснуться. Оракул, принесите, пожалуйста, мой кофе!

Валентина нервно ходит по комнате.

Ты что-то нервничаешь сегодня.

Валентина. У меня большие неприятности.

Мари. А! Пройдет.

Валентина. Как ты легко к этому относишься!

Мари. Я тебя знаю. Понимаешь, я устроена так, что я по жизни ползу, цепляясь за нее руками и ногами. В этом моя природа. А ты — скользишь, ты уже ребенком была такой. Ты не была красавицей, но ты — порхала. Я тогда мечтала быть такой же: тоже скользить, Я только потом поняла, что

для меня, например, любить значило брать на себя, оберегать, ждать — тяжелые слова, рабочие, дело вые. Ах! Как я тебе завидовала.

Валентина. Знаешь, я скользила и поскользнулась.

Мари. Возможно. Но когда тебе было двенадцать лет и ты играла в саду с полосатым котенком, Валентина, ты была сама поэзия. Какая нежность к тебе захлестывала мое сердце! Благодаря тебе уже в пятнадцать лет я знала, что такое материнское чувство.

Валентина. Как мы радостно жили!

Мари. Когда тебе было десять лет, мне исполнилось восемнадцать. Жизнь уже касалась меня. Я начинала чувствовать дыхание мужчин, к одним меня тянуло, другие меня отталкивали. Я стала покидать наш сад. Но, уходя на свидание, я оборачивалась и смотрела, как ты качаешься на качелях. И сердце мое разрывалось от счастья. Ты была само детство, Валентина.

Валентина. Мари, ты любила многих мужчин?

Мари. Нет. Одного.

Валентина. Своего мужа?

Мари. Нет, почему его? Мне повезло, я один раз встретила настоящего мужчину. И потом всю жизнь его любила. А кроме него — Сержа. Тебя,

его и Сержа — в своей жизни я только вас троих и любила. Смешно, но так, да где же он, мой кофе?

Валентина. Мари. Мари, я люблю Сержа.

Мари*(кричит).* А! Я тебе не разрешаю.

Валентина. Что ж, спасибо тебе!

Мари. Я боюсь, что ты заставишь его страдать.

Валентина. А может быть, он-меня.

Мари, Кто из вас в один прекрасный день уедет в Монте-Карло?

Пауза.

Валентина. Ты знала?

Мари. догадалась. Эта роль — не твое амплуа. Когда тебе было восемь лет, ты уже смеялась над сыном садовника.

Валентина. Послушай, но он же был такой глупый. Ты помнишь?..

Мари. Помню. Но речь идет о Серже.

Валентина. Мне… С Сержем все иначе.

Мари. С Сержем — спи с ним, если хочешь, или, вернее, продолжай. Он молодой, сильный, он — красивый. Спи с ним. Но не больше.

Валентина. На этот раз — больше.

Мари. Что ж, значит в этот раз тебе не повезло. Или тогда открой ему правду.

Валентина. Правду, правду, что вам всем да-

лось это слово? Что за невыносимый запах у вашей правды? И вообще, что значит «правда» для меня?

Мари. Правда для тебя — это то, что каждые полгода ты уходишь из дома с новым мужчиной.

Валентина. А если не в этом моя правда?

Мари. Ты живешь не среди поэтов и привидений. Ты живешь с мужем. И все, что ты ему причиняешь, — это для него правда, пусть даже ты с ней не считаешься. Пусть даже ты ведешь себя так, как будто тебе двенадцать лет. От куда твое знание любви, от кого? И если в твоем отношении к Сержу есть искрящиеся грани, не обязательно он вызвал их блеск, просто тебя другие давно научили так блестеть.

Валентина. Замолчи.

Мари. Нет, Что сделало из тебя прелестную любовницу и одно временно рассеянно-очаровательную женщину? — твое прошлое. Твоя способность видеть в жизни только одно и закрывать глаза на все остальное. Твои глаза, Валентина, открыты для удовольствий и зажмурены на то, что может им помешать. Например, на терзания Жан Лу.

Валентина. Между вами договоренность.

Мари. Существуют договоренности и между

расистами и неграми, и между сильными и слабыми.

Пауза.

Валентина*(внезапно садится).* Мне стыдно.

Мари. Не преувеличивай. Стыдно чего?

Валентина. Стыдно, что я оказалась за оградой нашего сада.

Пауза.

Мари. Но как, скажи мне, как ты сделалась такой?

Валентина. Ты не поймешь. Например, я — на берегу моря, с мужчиной, ему весело со мной, он смеется мне и смотрит на меня так особенно… Когда путешествуешь, по ночам все небо усеяно звездами…

Мари. На берегу моря с тобой мог бы смеяться и Жан Лу.

Валентина. Он и смеялся.

Мари. Понимаю. Одного раза тебе достаточно.

Валентина. Да нет. Я его очень люблю, уверяю тебя.

Мари. Очень… Ты его любишь «очень». Как ловко служат тебе маленькие словечки. Они укрощают для тебя неукротимые глаголы. Ты

«очень» любишь Жан Лу, ты в меня, наверно, «очень» любишь… Что сделало с грамматикой ваше поколение! А Серж? Как ты любишь его?

Валентина*(мягко).* Именно его я просто люблю.

Мари. Вот незадача! К тому же он, как ты знаешь, моложе тебя.

Валентина. Да. На десять лет.

Мари. На двенадцать. Я родила его в двадцать лет.

Валентина. Как бы там ни было, если и ему скажу…

Пауза.

Мари. Когда ты ему скажешь?

Валентина. Жан Лу хочет, чтобы сегодня вечером.

Мари. Я пойду куда-нибудь с моим нотариусом. Но, черт побери, где мой кофе? Оракул…

Входит Оракул. У него жалкий вид.

Что с моим кофе?

Оракул. Прошу мадам простить меня. Я не могу найти банку с кофе.

Мари. Как? Я купила пятьдесят банок, без кофеина, с кофеи ном, бразильского, стерилизо-

ванного, гранулированного, не знаю какого еще!

Оракул. Вот именно. А эта фирма, мадам, проводит лотерею на мотоцикл.

Мари. Господи, какой еще мотоцикл?

Оракул. Выигравший получает мотоцикл, но нужно отослать этикетки с банок… на них номера.

Мари. Ну?

Оракул. А без этикеток все банки одинаковы, и, не изучив еще достаточно вкуса мадам, мне затруднительно определить…

Мари. Значит, вы хотите сказать, что у меня теперь пятьдесят анонимных банок? Оракул, вы что, с ума сошли? Зачем вам мотоцикл? Ездить по воскресеньям загорать в лес?

Оракул. Мадам права. Мне надо было дождаться, пока банки опустеют. Но в таких конкурсах быстрота решает все, знаете, какая конкуренция.

Мари. Чем я прогневила небо? Мы еще продолжим этот раз говор, Оракул. Пока что принесите мне, что под руку попадется. Приготовьте кофе и для мадам, ей нужно под держать силы.

Оракул выходит.

Валентина. Что скажет Серж?

Мари. А вот этого, Валентина, я не могу тебе

сказать. Представления не имею. Это железное поколение; они настолько безразличны ко всему, что если случайно они к чему-нибудь вдруг менее безразличны, это уже драма. Ничего не поделаешь — страдать они считают неприличным.

Валентина*(мягко, почти мечтательно).* Мне кажется, и я тоже буду страдать.

Мари. Но впервые в жизни я ничем не смогу тебе помочь. И от этого я тоже буду страдать, Валентина.

Валентина. Серж больше меня не захочет видеть. Я вернусь домой.

Жан Лу будет горевать больше обычного. Я начну подкупать Оракула и выспрашивать у него о том, что происходит у вас в доме. Он будет приезжать на своем мотоцикле ко мне на авеню Георга Пятого. Он станет моим Гермесом, моим упреком, моим сожалением. На рождество я подарю ему мерзкий бюст Бонапарта, который стоит у меня в вестибюле.

Мари. Дурочка. Как бы мой сын ни возмущался, мы-то с тобой будем встречаться.

Валентина. Но старое не вернется: ты меня станешь осуждать. Я больше не буду в нашем саду.

Мари. Ты думаешь, мы вольны над своей памятью? Я всегда буду видеть тебя, Валентина, в

саду с полосатым котенком. детство между двумя людьми хуже, чем тридцать лет супружеской жизни.

Валентина. Мари, я несчастна.

Мари. Да нет, нет. Чувствовать это — уже само по себе счастье.

Занавес

Сцена четвертая

Та же декорация. На сцене Жан Лу и Мари. Шесть часов вечера.

Мари. Вы сочтете меня нескромной.

Жан Лу жестом возражает.

Впрочем, это не имеет значения. Вы, наверно, заметили, как в жизни тактичность легко переходит в эгоизм.

Жан Лу. Я в жизни ничего не замечал. У меня сложная профессия, с утра до вечера на грани между успехом и банкротством.

Мари. Тем хуже. Сейчас нам не время обсуждать эти темы. дорогой Жан Лу, я знаю. В отношении Валентины.

Жан Лу. А! Вы знаете. И что вы об этом дума-

ете?

Мари. Боже мой… ну, что в последний раз вы вели себя как джентльмен.

Жан Лу. Но как половая тряпка в течение десяти лет — это вы имеете в виду?

Мари. Совсем нет, я…

Жан Лу. Конечно, да, конечно, да. Если ваша жена вам изменяет, то вы становитесь либо посмешищем, если об этом не подозреваете, либо сообщником, если об этом знаете, либо неврастеником, если от этого страдаете. Все просто. да только мне все равно. Я — бедный Жан Лу… Ну и что?

Мари. Вам все равно. Превосходно. Мне, как и вам, глубоко безразлично общественное мнение. Но я знаю также, что это положение вещей было невозможно изменить. Я росла с Валентиной, нежной и хрупкой. Но если среди ночи ей хотелось вишен, она шла их собирать. А одному богу известно, как она боялась темноты! Словом, ничто никогда не могло сдержать желаний Валентины, даже она сама. Куда уж вам!

Жан Лу*(смеясь).* Куда уж мне!

Мари. Не поймите меня превратно. Вы мне очень симпатичны. Зачем вы все это от нее выносили?

Жан Лу. Потому что она — Валентина, и я обожаю ее.

Пауза. Они улыбаются друг другу.

Мари. Я попросила вас приехать отнюдь не ради того, чтобы задать вам вопрос, ответ на который я заранее знала. А ради другого. Валентина любит Сержа. Моего сына Сержа.

Жан Лу. Она мне сказала.

Мари. Дело не в том, что она сказала, а в том, что это правда. Она будет страдать, если он настолько глуп, что…

Жан Лу*(с иронией).* Что не простит ей тяжелого прошлого?

Мари. да. И, по моему мнению, он не сможет простить. Отлично.

Валентина будет страдать. Но она… она к этому не привыкла.

Жан Лу. Надеюсь.

Мари. Что вы рассчитываете предпринять?

Жан Лу. Повезу ее путешествовать, Вы же знаете, путешествия Валентина обожает.

Мари. Вы думаете, этого будет достаточно?

Жан Лу. Боже мой, конечно. Мы поедем в Венецию. Каналы, прекрасные итальянцы, и все вместе…

Мари*(задумчиво).* да, тенора… Я нахожу, что вы слишком легкомысленно говорите о прекрасных итальянцах. Вы не…

Жан Лу. Я не импотент и не извращенец, если это то, что вы хотели сказать. Я просто знаю, что при виде гондольеров и красивых мужчин вообще сердце Валентины всегда оживало.

Мари. Боюсь, что на этот раз все более серьезно. Я уже давно забыла, что значит страдать из-за любви, но…

Жан Лу. Вы меня удивляете.

Мари. Спасибо за комплимент. Если уж говорить начистоту, я плохо понимаю, как Валентина может колебаться между таким мужчиной, как вы, одним словом, мужчиной, и мальчиком, как мой Серж. Он мой сын, и он красив, но…

Жан Лу. Вы знаете, она не колеблется. Сейчас она предпочитает Сержа. Но, к несчастью, определенные общественные и моральные представления, воплощаемые вами и мною, вынуждают ее отказаться от него — и все!

Мари. Как хладнокровно вы это говорите. А что вы при этом испытываете?

Жан Лу. Мадам, глубокое горе.

Мари*(тронута до глубины души).* Зовите меня Мари. Как я вас в тот раз обидела. Вы не хотели

бы чего-нибудь выпить? Оракул, два джина. да, да, поверьте, джин и толь ко джин. Расширяет сосуды, взаимопонимание и сердце. Отлично. Сегодня вечером я останусь у себя в комнате. Когда Валентина все ему скажет, я соберу по осколкам то, что от них обоих останется. Что касается вас, предполагая, что Валентина поедет к вам, прошу вас оставаться дома. Это лучшее, что мы можем сделать.

Жан Лу. договорились. Но если… если…

Мари. Если Серж примирится?.. Что ж! Увидим.

Жан Лу. Спасибо, Мари, до свиданья.

Она провожает его к двери.

Вы знаете, в тот день вы мне сказали одну вещь, и я…

Мари. Но я беру все свои слова обратно, все.

Жан Лу. Как раз все не нужно. Я хочу вести с вами честную игру. В жизни не все так однозначно. При моей профессии бывают нужны определенные компенсации.

Мари. Тем лучше!

Жан Лу. И кроме того, если вы согласитесь, я имею в виду, когда все обойдется, мы с вами как-нибудь поужинаем вдвоем в русском ресторане.

Мари. Прелестно. Ах! Ах! Мы покажем русским, что значит уметь веселиться. *(Смеясь, она провожает его.)*

Занавес

Сцена пятая

Та же декорация. Вечер. Валентина одна. На ней сиреневое платье. Слышно, как в комнате рядом напевает Серж. Он входит.

Серж. Вам нравится эта песня? Блестящая мысль пришла мо ей матери пойти ужинать в ресторан.

Валентина. да, да, действительно.

Серж. Меня сегодня завалили заказами, Я, кажется, скоро стану знаменитостью в рекламе.

Валентина. А как же Ван Гог?

Серж. Ван Гог был Ван Гог. И потом, я не знаю, был ли он счастлив. Оракул угостил вас своим прославленным «Аустерлицем»?

Валентина. Пока я тебя ждала, я уже выпила два.

Серж, Тогда мне еще один. Оракул, пожалуйста, ваш коктейль. Боже, как мне хорошо: работаю,

успех, влюблен и немного любим. Мог ли я когда-нибудь подумать!

Валентина. Тебе правда хорошо?

Серж. да. Безумец, идиот, кретин, я тебя люблю.

Валентина*(полушепотом).* Безумец, идиот, кретин, ты меня любишь.

Серж. Идиот, безумец, кретин, на тебе мое любимое платье.

Валентина. Идиот, безумец, кретин, это нарочно. Поцелуй меня.

Он целует ее.

Ты меня любишь, Серж?

Серж. Навсегда.

Валентина. Я тебе не позволяю. Я тебе не позволяю, потому что больше не могу тебе приказывать.

Серж. Почему?

Входит Оракул.

А! Вот мой бокал. Спасибо, Оракул. Почему ты мне больше не можешь приказывать?

Валентина. дай мне один глоток. Потому что от меня этого требуют. Правда, как сумасшедшая старуха, должна по явиться из-за кулис.

Серж. Ты хватила лишний «Аустерлиц».

Валентина. Нет. Ты придаешь значение правде?

Серж. Только если она касается нас.

Валентина. А мое прошлое тебя касается?

Серж. да. Я хочу знать о тебе все. Все, что сделало из тебя такую, какая ты есть, моя прелесть, мое солнце. Ты знаешь эту песню? Я тебе ее поставлю. *(Направляется к проигрывателю.)*

Валентина вскакивает и подбегает к Сержу, ставящему на проигрыватель песню «Моя милая Валентина»

Валентина. Такую, как я есть, меня сделали другие.

Серж*(смеясь).* В том числе я.

Валентина. другие мужчины.

Серж. Жан Лу?

Валентина. После Жана Лу.

Серж. После Жана Лу? Ты ему изменяла?

Валентина. Да.

Серж*(медленно).* Что ж, предполагаю, это нормально. После всех страданий, которые он тебе причинил. И часто ты ему изменяла?

Валентина. Мм… постой.

Серж. Почему «постой»?

Валентина. Я сосчитаю, Мм…

Серж*(сухо).* С меня достаточно! *(Отворачивается.)*

Валентина*(быстро).* И, кроме того, никаких страданий он мне не причинял. дело было во мне, только во мне. Это я уходила из дома. С другими.

Серж. Как? А твои письма? А моя мама? А в тот день, когда он за тобой приехал?

Валентина. Я лгала. Позорно лгала. Мне было стыдно перед твоей мамой, и все. А потом я привыкла к новой роли.

Серж. Замолчи. *(Идет через всю сцену, останавливается.)*

Валентина. Серж. С тобой у меня все по-другому.

Серж*(глухо).* Поймите, меня возмущает даже не то, что я тридцатый по счету…

Валентина. Не преувеличивай. *(Всхлипывает.)*

Серж А то, что вы могли так поступать по отношению к другому человеку, к вашему мужу. Какую комедию он вынужден был здесь разыгрывать, а я обливал его презрением! Как дурак, стремился вас защищать, сделать вас счастливой! Но мне нечего было ломиться в открытую дверь. До статочно того, что я просто молод?

Валентина. Серж, я тебе уже сказала, что с то-

бой все по-другому…

Серж. Возможно, за счет легкой примеси материнского чувства. Но еще раз спрашиваю вас, как могли вы так обращаться с мужем?

Валентина. Он привык, нет, это не то, что я хочу сказать. Он ко мне очень привязан, он знает, что я — такая, какая есть.

Серж. Какая же вы есть? Нимфоманка?

Валентина. Нимфоманка… Вы с ума сошли. Нет, я обожаю путешествовать, вот и все, а он никогда не может уехать из Парижа и, словом…

Серж. Словом… Это ваше любимое выражение?

Валентина. Не между нами, Серж. Я так и знала, что они мне все испортят своим карканьем «правда», «правда»! Серж, забудь, вернемся в отель «Акрополь»; ты был такой забавный, такой нежный, такой злой. Ты на меня смотрел круглыми глазами, как сова, и не сводил с меня потрясенного взгляда. Серж…

Серж. да, я был милым воспитанным молодым человеком. И я всегда им останусь. Очень рад, что я сумел вас раз— влечь, но, как милый воспитанный молодой человек, предлагаю вам вернуться домой.

Валентина. Это твое последнее слово? Впрочем,

глупый вопрос. Никто же никогда не отвечает: «Нет, предпоследнее».

Серж. Это мое последнее слово, Валентина.

Валентина. Ты знаешь, я очень несчастна. А ты?

Серж*(кричит).* Это уж мое личное дело! Что, нам теперь вместе плакать?

Валентина не отвечает.

(Кричит.) Сказать тебе, что у меня в жизни не было большего горя, большего разочарования, большего унижения?!

Валентина. Не кричи. Я крика не выношу.

Серж. Ты еще не выносишь чужих чувств, забот, мыслей, Ты любишь цветы, балконы, переводные картинки и посте ли. Да? Угадал?

Валентина*(продолжал плакать).* Да, угадал. Но и тебя тоже я люблю.

Пауза.

Серж. Простите меня, тетя Валентина, я не могу больше здесь оставаться.

Валентина. Я тоже. Оракул, мое манто.

Входит Оракул. Валентина лихорадочно одевается перед неподвижно стоящим Сержем. Она идет к двери.

Серж. Куда ты пойдешь?

Валентина*(в слезах).* В «Шахерезаду». Русская музыка, мой дорогой, для фривольных натур… *(Выходит.)*

Серж валится на диван. Из боковой двери входит Мари. Она некоторое время смотрит на Сержа, затем выключает проигрыватель. Серж встает.

Серж. Я думал, вы ужинаете с вашим нотариусом.

Мари. Как бы не так. Я подслушивала.

Серж. А! Браво! Значит, вы в курсе.

Мари. Не становись в позу. Я же тебя знаю.

Серж. Вы знали насчет Валентины?

Мари. И да и нет. С одной стороны, я верила тому, что она мне говорила. Валентине всегда веришь. Но она выходила из образа.

Серж. Она надругалась и над вами и надо мной. Она не имела права. Мне… Я… *(Отворачивается.)*

Пауза.

Мари. А ты — дурачок. Хотя… это твой возраст. Ты тысячу раз должен был удержать Валентину. Со всеми ее любовниками и уходами из дома, со

всем ее прошлым. Таких людей, как Валентина, нельзя упускать Но только ты еще молод, мой бедный, родной.

Серж. Я не Жан Лу, ты это имеешь в виду?

Мари. Жан Лу — он-то понимает. Он понимает, что в чело веке важна личность, а не поступки. Важно то, что дает человеческое присутствие.

Серж. Присутствие! Да она всегда отсутствовала. Путешествовала и все больше опускалась от ничтожества к ничтожеству.

Мари. Опускалась… Как можно такое подумать! Значит, любовь и ее проявления унижают женщину? Да ты потерял голову. Мы созданы для этого. Самой природой. Правда, изредка встречаются женщины сверх того еще и верные. Но Валентина не из их числа.

Серж. Нет. Она создана для лжи.

Мари. Потому что она сыграла роль женщины, приносящей себя в жертву? Чем тебя больше всего очаровала Валентина — веселым нравом, да? А как ты думаешь, могла бы она быть веселой, если бы на самом деле была обманута и отвергнута?

Серж. Больше всего я любил в ней непредсказуемость.

Мари. О, этого, поверь мне, ей не занимать.

Серж. Но что вы от меня хотите? Чтобы я

признал, что был неправ? И чтобы сказал ей: «Превосходно, ты меня обманула, ты насмеялась надо мной, я по счету такой-то, браво»?

Мари*(мягко).* Просто я запрещаю тебе презирать Валентину. И плохо говорить о ней. Кстати, где она?

Серж. Успокойтесь, поехала в «Шахерезаду»

Мари. Вот видишь! Пойду позвоню Жан Лу, пусть едет за ней.

Серж. А Жан Лу? Вы ей прощаете то, как она вела себя по отношению к нему?

Мари. Нет. А ты, ты мог бы.

Серж. А я считаю, что каждый человек требует к себе элементарного уважения.

Мари. Конечно, конечно. (Направляется к телефону.) Звонок в дверь.

Серж вскакивает.

Серж. Это она. Вернулась. Она меня простила. *(Бросается к двери и распахивает ее.)*

Появляется Жан Лу в смокинге.

Жан Лу. Я хотел вам сказать, Мари, что она снова со мной. Она позвонила мне из «Шахерезады». Она спит у меня внизу в машине.

Мари. Прекрасно.

Жан Лу. Она просила меня передать вам обоим, что она вас нежно целует. Завтра мы уезжаем в Венецию, она обязательно вам позвонит, когда вернется.

Мари. Хорошо. Приятного путешествия, Жан Лу.

Жан Лу. Спасибо. *(Кланяется Сержу и выходит.)*

Серж*(потерянно).* Что он… что он сказал?

Мари. Ты прекрасно слышал, мой родной. Она тебя нежно целует.

Конец